ЗАСТОЛЬНЫЯ РѢЧИ

В. Д. СПАСОВИЧА

ВЪ СОБРАНІЯХЪ
СОСЛОВІЯ ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ
ОКРУГА
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ

(1873—1901).

Рѣчи въ годовыхъ собраніяхъ послѣ выборовъ.

Рѣчи прощальныя, юбилейныя и другія въ честь заслуженныхъ товарищей по корпораціи и членовъ магистратуры.

ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. КАСПРОВИЧЪ
1903.

СПИСОКЪ РѢЧЕЙ.

		стр.
1.	Обѣдъ 1873 года	3
2.	Обѣдъ 1874 года	8
3.	Обѣдъ 17 апрѣля 1876 года	10
4.	Обѣдъ 1876 года	14
5.	Обѣдъ 30 апрѣля 1878 года	17
6.	Обѣдъ 29 апрѣля 1879 года	20
7.	Обѣдъ 27 апрѣля 1880 года	23
8.	Обѣдъ 3 мая 1881 года	27
9.	Обѣдъ 2 мая 1882 года	30
10.	Обѣдъ 24 апрѣля 1883 года	34
11.	Обѣдъ 29 мая 1884 года	37
12.	Обѣдъ 27 апрѣля 1886 года	40
13.	Обѣдъ 26 апрѣля 1887 года	45
14.	Обѣдъ 1888 года	48
15.	Обѣдъ 30 апрѣля 1889 года	51
16.	Обѣдъ 29 апрѣля 1890 года	56
17.	Обѣдъ 28 апрѣля 1891 года	58
18.	Обѣдъ 3 мая 1892 года	61
19.	Обѣдъ 30 мая 1895 года	63
20.	Обѣдъ 28 апрѣля 1896 года	67
21.	Обѣдъ 3 мая 1898 года	70
22.	Обѣдъ 9 мая 1899 года	74
23.	Обѣдъ 29 апрѣля 1901	78

24. Обѣдъ прощальный въ честь К. К. Арсеньева 20 октября 1874 года 85
25. Прощальный обѣдъ въ честь В. К. Случевскаго 27 января 1882 года 89
26. Обѣдъ въ честь Н. С. Таганцева 23 октября 1882 года . . 92
27. Обѣдъ прощальный А. А. Герке 6 апрѣля 1890 года . . . 94
28. Обѣдъ въ честь В. Н. Герарда 16 марта 1893 года . . . 96
29. Обѣдъ 18 января 1895 года, въ честь защитниковъ по дѣлу о безпорядкахъ въ г. Крожахъ 99
30. Обѣдъ въ честь В. О. Люстиха 19 іюня 1896 года. . . . 102

Настоящая книжка расчитана на значительный кругъ читателей. Она вся вращается въ области интересовъ петербургской присяжной адвокатуры, касается отчасти и судьбы всероссійской адвокатуры, если же задѣваетъ порою политическіе вопросы, то только потому, что надъ нашимъ адвокатскимъ горизонтомъ за послѣдніе тридцать лѣтъ проносились тучи крупныхъ политическихъ событій, которыя ложились на насъ своими тѣнями, возбудивъ порою только переходящія и разсѣевающіяся тревоги. Пустить въ свѣтъ эту книжку казалось мнѣ полезнымъ, потому что она представляетъ наглядно, какіе труды и силы затрачены на созданіе нашей молодой корпораціи и поясняетъ, что въ ней есть зачатки хорошихъ преданій и надеждъ.

Владиміръ Спасовичъ.

ОБѢДЕННЫЯ РѢЧИ ПОСЛѢ ВЫБОРОВЪ.

I. Обѣдъ 1873 года.

Товарищи, друзья! Что пѣснь безъ пѣнія, что картина безъ красокъ, что хлѣбъ безъ соли — то обрядовый обѣдъ корпораціи безъ застольной рѣчи, безъ остраго слова. — Эта недостача чувствовалась на всѣхъ шести обѣдахъ, предшествовавшіхъ настоящему; работали сначала только желудки, потомъ разъигрывалось вино и заявляло себя шумно и громко. — Въ настоящемъ году повтореніе прошедшаго нежелательно, вотъ почему нѣкоторые изъ нашихъ собратьевъ просили меня передать собравшейся обѣдать корпораціи ихъ желаніе, чтобы обѣдъ нашъ получилъ иной характеръ, чтобы онъ былъ праздникомъ для ума, чтобы онъ ознаменовался братскимъ обмѣномъ мыслей и чувствъ. Въ каждомъ дѣлѣ всего труднѣе начало и первый примѣръ. Рѣшаюсь дать этотъ первый примѣръ, можетъ быть онъ и будетъ имѣть подражателей. По какому праву я такъ дѣйствую: да просто по праву лѣтъ, по возрасту. Есть конечно товарищи старше меня по лѣтамъ, но я всетаки одинъ изъ самыхъ пожилыхъ, я принятъ въ сословіе въ первомъ засѣданіи совѣта корпораціи, въ 10-й день послѣ его образованія. Да будетъ мнѣ позволено провозгласить тостъ за то, что занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ моемъ сердцѣ, въ моихъ пожеланіяхъ: за благоденствіе нашего сословія, за его ростъ, за минованіе всѣхъ бѣдъ и опасеній, которыя непремѣнно пройдутъ безслѣдно если она будетъ умна, значитъ и за этотъ трезвый умъ, за пониманіе сословіемъ условій, отъ которыхъ зависитъ его бытъ и существованіе. Позвольте мнѣ пояснить какъ я понимаю эти условія.

Тѣ Ликурги и Солоны, которые сочиняли судебные уставы, мечтали о томъ, что адвокатура будетъ разсадникомъ для всей магистратуры и что людей изъ нашей среды, доказавшихъ свою честность, опытность,

умѣніе и талантъ, будутъ вызывать и сажать на судейскія мѣста (204 ст. уг. и суд. уст.) Идеалисты усматривали, что такъ дѣлается въ Англіи и во Франціи и полагали, что такъ будетъ и у насъ. Они ошиблись, они забыли что всѣ мѣста по судебному вѣдомству напередъ законтрактованы, заарендованы; что есть двѣ привилегированныя фабрики выдѣлывающія судей, слѣдователей, прокуроровъ, фабрики не то состоящія при министерствѣ юстиціи, не то при которыхъ состоитъ собственно это министерство, потому что оно рынокъ куда сбываются эти фабрикаты. Если бы этотъ рынокъ закрылся для нихъ на минуту, тогда сію же минуту одно изъ заведеній, и притомъ самое главное, должнобы было закрыться. Все лучшее разумѣется достается этимъ баловнемъ счастія и оффиціальной карьеры. То что менѣе сочновсѣ остатки достаются студентамъ университетовъ и еще гвардіи офицерамъ и разныхъ вѣдомствъ чиновникамъ. У этой трапезы нѣтъ повидимому мѣстъ для присяжныхъ повѣренныхъ, имъ не придется собирать даже и крохъ. Вмѣсто того, чтобы быть питомникомъ магистратуры, наше сословіе сдѣлалось громаднымъ убѣжищемъ въ родѣ того asylum, которое Ромулъ открылъ на горѣ Авентинѣ, или въ родѣ Сѣчи Запорожской. Здѣсь мы стоимъ и съ радостью подаемъ братски руки бѣглецамъ, которые по красноватому цвѣту своихъ убѣжденій найдены неподходящими къ министерству юстиціи, всегда щеголяющему бѣлизною, судьямъ, прокурорамъ, предсѣдательствующимъ, которымъ надоѣла служба и которые ее оставили чтобы не кланяться, не угодничать, не скакать за тысячи верстъ по желѣзнымъ дорогамъ дважды въ годъ напоминать о себѣ и мозолить глаза начальству. Они, эти оффиціальные люди уходятъ отъ оффиціальной трапезы въ »asylum« а начальство которое ихъ упустило сердится и громко жалуется на испорченность вѣка, на матеріалистическія стремленія, заставляющія способныхъ людей дезертировать и идти служить не богу-государству, дающему кресты и чины, но богу-маммону, дающему червонцы.

Вы знаете, господа присяжные повѣренные какое значеніе имѣютъ эти нареканія. Конечно у насъ бываютъ лотерейные выигрыши. Они бываютъ и на службѣ, когда вдругъ человѣка дѣлаютъ за разъ тайнымъ совѣтникомъ, кавалеромъ, сенаторомъ, предсѣдателемъ палаты, но выигрыши эти у насъ рѣдкіе, съ каждымъ днемъ конкуренція усиливается а необезпеченность положенія становится чувствительнѣе. Среди

этой дарвиновской борбы за существованіе многіе избравшіе эту дорогу чахнутъ и пропадаютъ, потому что пока придетъ практика нечѣмъ жить, а тѣ у которыхъ она есть незнаютъ не переведется ли она. Жизнь тѣмъ и тяжела что предполагаетъ ежеминутно до конца поприща борьбу за существованіе. Не потому собственно уходятъ лучшіе люди отъ казенной трапезы въ asylum, что тамъ мѣста болѣе злачныя, но потому что ихъ манятъ туда другія блага и прежде всего свобода, то есть зависимость не отъ начальства, а отъ всѣхъ совокупно, отъ публики, отъ своего собственнаго умѣнья и чутья. Свобода имѣетъ свою точку опоры, свое достоинство, свой вѣсъ потому, что она основана на корпоративной организаціи, на стояніи въ каждомъ существенномъ вопросѣ всѣхъ за каждаго и каждаго за всѣхъ. Есть громадная сила въ каждомъ зародышѣ живой организаціи. Дайте двѣ три статьи закона и клѣточку маленькую, безцвѣтную; а изъ этой клѣточки въ какіе нибудь семь лѣтъ выростетъ организмъ. Мы сочлены въ государствѣ въ которомъ вообще неразрѣшено сочленяться, соединяться, а сочленяемость достигается развѣ въ видѣ исключенія. Есть еще другое обстоятельство, которое соблазняетъ и манитъ къ намъ людей, а именно то, что въ судебной организаціи мы представляемъ художественный элементъ. Мы до извѣстной степени рыцари слова живаго, свободнаго болѣе свободнаго нынѣ чѣмъ въ печати, слова котораго не угомонятъ самые рьяные свирѣпые предсѣдатели, потому что пока предсѣдатель обдумаетъ васъ остановить уже слово ускакало за три версты впередъ и его не вернуть. Притомъ за малыми исключеніями предсѣдатели бываютъ большею частью люди добрые, либеральные, умѣющіе это слово цѣнить. Долгомъ считаю еще прибавить что это слово бываетъ цѣнимо и уважаемо потому, что оно слово присяжнаго повѣреннаго, что за каждымъ изъ насъ стоитъ корпорація, много разъ доказавшая, что ея члены если знаютъ какъ пользоваться словами, то знаютъ также что ими не слѣдуетъ злоупотреблять. Поставимъ того-же человѣка одного въ судѣ безъ принадлежности къ корпораціи или даже или въ этомъ званіи, но гдѣ не устроены совѣты присяжныхъ повѣренныхъ. Что тогда можетъ сдѣлать человѣкъ хотя бы почтенный, умный и рѣчистый? Пока есть организація — все спасено, мы ничего небоимся ни о чемъ непросимъ, мы будемъ существовать даже когда вопреки закону намъ недадутъ всего того, что намъ даровано закономъ. Когда организаціа есть — чего намъ бо-

яться? Неустановленія комплекта? Онъ не установленъ и пока бѣды отъ этого нѣтъ. Платежа 10% сборовъ? мы его платимъ и будемъ платить въ возможно меньшемъ количествѣ, сознавая что собираніе его безцѣльно. Установленія новаго званія ходатаевъ? Господа, когда мы успѣшно конкурировали со всею тьмою прежнихъ ходоковъ по дѣламъ, то зачѣмъ намъ опасаться сотни ходатаевъ? При отсутствіи комплекта намъ выгоднѣе патентованные ходатаи чѣмъ непатентованные ходоки. Того ли что, установивъ своихъ ходатаевъ и въ нихъ имѣя своихъ илотовъ, министерство юстиціи ударитъ насъ по шапкѣ и предложитъ отмѣнить организацію? Отмѣнитъ такъ отмѣнитъ; это возможно. Отмѣнить можно и присяжныхъ засѣдателей и несмѣняемыхъ судей и самые судебные уставы, мы всѣ подъ этой возможностію ходимъ, но дѣло въ томъ что первыя пять лѣтъ обыкновенно пробуютъ новыя учрежденія, за тѣмъ потребуется лѣтъ пятокъ чтобы отмѣнять новые уставы по кускамъ, а въ десять лѣтъ создаются даже новыя государства, не то что корпораціи, проходятъ министерства и мѣняются взгляды. Тучи сходятся и расходятся, а солдатъ долженъ стоять на своемъ посту. Такъ то и мы будемъ стоять и уйдемъ съ честью только тогда, когда насъ прогонятъ и тогда скажемъ: пропадай учрежденіе, какъ пропалъ судъ присяжныхъ, какъ пропали судьи независимые отъ администраціи, какъ пропали школы и образованіе народное, убитыя классицизмомъ. Уйти съ честью сражаясь до послѣдней минуты не бѣда, бѣда постыдно устать, бѣда самимъ наложить на себя руку. Вотъ чего я боюсь и противъ чего надобно общими силами обороняться. Вы меня спросите: да какъ-же такъ? да развѣ это возможно. Да, къ несчастію оно очень возможно. Я вамъ обьясню какъ эта бѣда можетъ произойти. Она произойдетъ когда мы забудемъ что мы вольное братство, когда мы запремъ входъ въ это братство, какъ дѣлаетъ Москва, сначала еврею, потомъ татарину, нѣмцу, поляку и всякому иному кромѣ русскаго языку; когда мы будемъ ставить нашъ сословный, мелкій интересъ выше общественнаго и государственнаго, когда мы станемъ отлынивать отъ исполненія нашихъ повинностей по отношенію къ государству и будемъ торговаться: дайте намъ права, тогда мы и будемъ нести повинности. Мы погибнемъ когда въ нашу среду проникнетъ духъ филистерства, циническое отношеніе къ дѣлу; когда утвердится понятіе, что всѣ дѣла по содержанію для насъ безразличны;

что обязанности повѣреннаго исполнены, когда онъ отстаивалъ добросовѣстно дѣло, хотябы безсовѣстное; когда искуство превратится въ ремесло, а мы сдѣлаемся наймитами, подряжающимися говорить, діалектиками и софистами, или бреханцами, какъ называетъ своихъ адвокатовъ малороссъ. Все наше дѣло получить тогда промысловой характеръ, хотя бы въ средѣ нашей небыло ни одного еврея или инородца. До этой минуты я не хотѣлъ бы дожить. Я пью за то, чтобы мои опасенія не осуществились.

2. Обѣдъ 1874 года.

Господа товарищи! Чтобы не пропадалъ установившійся въ прошломъ году обычай перекинуться словами, обмѣняться рѣчами на нашемъ годовомъ обѣдѣ, я какъ и на прошлогоднемъ обѣдѣ напрашиваюсь: удостойте меня вашего вниманія, поддержите мой заздравный тостъ: за наше славное, великое время! Какъ быстро какимъ вихремъ несутся событія! Годъ тому назадъ за столомъ толковали о проектѣ закона о частныхъ ходатаяхъ. Теперь какой быстрый успѣхъ! Уже законопроектъ прошелъ по всѣмъ стадіямъ въ государственномъ совѣтѣ, а можетъ быть уже печатается въ »Правительственномъ Вѣстникѣ«. Теперь слышно, что готовится, неизвѣстно въ какой шорной фабрикѣ, новая уздечка на присяжныхъ повѣренныхъ. Одинъ конецъ ея уже успѣлъ обозначиться. Штука заключается въ томъ, чтобы въ другихъ городахъ кромѣ столицъ не утверждать совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, чтобы въ другихъ судебныхъ округахъ не принимать никого въ присяжные повѣренные. Шибко идетъ время; восемь лѣтъ прошло и на всей полосѣ окраинъ нигдѣ невведены судебные уставы, они еще невводятся ни въ баронскую Русландію, гдѣ народъ ихъ ожидаетъ съ нетерпѣніемъ, они невводятся и въ Царство польское, а если введутся то урѣзанные, укороченные, какъ куцая курточка изъ широкаго кафтана.

Славное время! чего у насъ нѣтъ? И освобожденіе крестьянъ и независимый гласный судъ и свобода печати, которая со своими третьими предостереженіями сдѣлалась тиха, скромна, ручна, такъ что за свои предѣлы не преступитъ и необезпокоитъ начальства. Работы надъ реформами еще незавершены, мы запряжены и тащимъ вверхъ точно малыя мухи общественную карету; вводится общя воинская

повинность, можетъ быть будутъ введены общесословныя прямыя подати, дастъ Богъ будетъ перемолотъ весь народъ этими двумя громадными машинами. За все то скажемъ спасибо нашей эпохѣ, но только для нашего брата она больно немилостива и сердита. Всѣ въ насъ вцѣпились, всѣ насъ ругаютъ и хлещутъ, а первый между ними тотъ великій сатирикъ который и есть единственный хорошій прозаикъ нашей эпохи.[1]

Всѣ мы, господа, по выраженіямъ господствующей журналистики, обиралы, разбойники. Я полагаю что и этотъ нашъ годовой обѣдъ можетъ быть представленъ въ видѣ совѣщанія о томъ, какъ дуванъ дѣлить да и помышлять о новыхъ добычахъ. Богатая наша литература вполнѣ и до нельзя реалистическая. Она дальше конца своего носа ничего ни видитъ и не допускаетъ, она ничего не постигаетъ кромѣ мелкаго практическаго интереса. И въ жизни дѣйствительной и въ идеяхъ великое покончено, копошатся только эпигоны, точно мурашки, все выбрасывается или выпрямляется или располагается систематически; все кругло и плоско, все приторно и пошло. Еще десятокъ лѣтъ такихъ и въ этой атмосферѣ придется задохнуться.

А можетъ быть нѣтъ, можетъ быть все это намъ такъ кажется. Мы устарѣли и отживаемъ; можетъ быть новое поколѣніе приноровится къ условіямъ окружающей среды. Слыхали мы, что это поколѣніе совсѣмъ не похоже на прежнія, что въ немъ нѣтъ вовсе молодыхъ людей, что со студенческой скамьи выходятъ уже опытные старики. Богъ съ ними, съ молодыми людьми, да здравствуютъ зрѣлые практики въ 25 лѣтъ, имъ слава, имъ деньги, имъ и успѣхи!

Да здравствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вершина и вѣнецъ нашего теперешняго положенія, система народнаго воспитанія чудная, какъ нельзя болѣе приспособленная къ нуждамъ теперяшняго общества, къ его вожделѣніямъ, университеты превращеные въ парники для латинскихъ цвѣточковъ и эллинской спаржи, для филологическаго бездѣлія для погубной траты силъ и времени на эту роскошь, на этотъ сознательный онанизмъ. Да здравствуетъ и могучій умственный владыка этой эпохи, которая заслуживаетъ быть названною его именемъ, да здравствуетъ Катковъ!

[1] Салтыковъ.

3. Обѣдъ 17 апрѣля 1876 года.

Чествованіе десятилѣтія судебныхъ уставовъ.

Господа присутствующіе, commilitones-совоители! На этомъ праздникѣ воспоминаній приходится посреди ѣды заключать старые счеты или выражаясь поэтическимъ языкомъ старины выслушать, какъ раздается важно и протяжно »глаголъ временъ, металла звонъ« и ловить мыслью сбѣжавшіе годы. Оказывается что я такой пожилой человѣкъ, что въ погонѣ за этими годами не могу никакъ остановиться на десяти или пятнадцати, но хватаю назадъ за цѣлые двадцать пять и сразу попадаю въ 1851 годъ, въ мрачную съ темнокрасными обоями избу присутствія С. Петербургской уголовной палаты и въ обширную канцелярію этой палаты на углу Гороховой улицы и Адмиралтейской площади. Въ канцеляріи скребутъ десятка четыре перьевъ, изъ присутственной комнаты слышенъ звонъ колокольчика; происходитъ бѣготня и движеніе. Секретарь и столоначальникъ бѣгаютъ изъ канцеляріи въ присутствіе и обратно. Кто бы задался вопросомъ гдѣ же совершается на этой фабрикѣ дѣло правосудія? тотъ затруднился бы въ дачѣ отвѣта. Рѣшителями судебъ являлись конечно не тѣ боги, которые обсѣдали присутственый столъ, покрытый краснымъ сукномъ съ золотою позументною бахрамою. Два бородатые сословные засѣдателя изъ купечества подписалибы несумлеваясь сами на себя смертные приговоры. Дворянчики засѣдатели рѣдко въ присутствіи бывали. Небыли рѣшителями судебъ ни добрякъ предсѣдатель, любитель пряныхъ и сальныхъ анекдотовъ, ни товарищъ предсѣдателя, въ мундирѣ сзади богато шитомъ золотомъ, носитель послѣднихъ придворныхъ новостей, выносимыхъ съ задняго прыльца. Всемогущія парки въ палатѣ прядущія нить живота были не три, а только двѣ: столоначальникъ и секретарь, но прежде чѣмъ скручена

была нить ихъ пальцами уже бѣжалъ куда слѣдуетъ третій дѣятель-канцелярскій писецъ къ тароватому подсудимому и несъ ему необсохшую еще копію предполагаемаго рѣшенія. Тогда пускаемы были въ ходъ всевозможныя вліянія, отбывался походъ съ калитой къ секретарю, походъ съ поклономъ къ предсѣдателю, начиналась бѣготня къ правителю канцеляріи губернатора, къ губернскому прокурору — и ткань передѣлывалась, появлялись на ней новые узоры. Порядокъ этотъ былъ какъ бы нарочно созданъ для людей крѣпкихъ, для хожаковъ не по прямымъ путямъ, а по переулкамъ закона. Богачъ милліонеръ бывалъ непремѣнно обѣляемъ и къ суду не привлекаемъ. Даже пройдохи и мошенники заставляли судъ трепетать-ради того: небыло ли имъ что нибудь пропущено. Затянуть всякое дѣло можно было на десятки лѣтъ, одно дѣло тащило за собою ватагу другихъ, какъ спутниковъ, такъ что наконецъ масса этихъ производствъ возилась на многихъ телегахъ и люди прикрѣпленные къ этому дѣлу умирали въ тюрьмахъ, а ихъ потомки нарождались, пока совершалась эволюція по всѣмъ тремъ судебнымъ инстанціямъ. Судъ былъ свой благопріятель для сильнаго человѣка, но имѣлъ всѣ качества фатума, рока, каприза, случайности для бѣдняка. Я помню, съ какой жадностью впивались мы нашими взорами въ лица арестантовъ, когда звеня ружьями стража ставила ихъ въ дверяхъ присутствія для выслушанія рѣшеній. Этихъ живыхъ статуй не спрашивали, а только объявляли имъ приговоры. Насъ интересовало вовсе не то, какъ дрогнетъ и перекосится лицо, когда человѣкъ узнаетъ, что ему будетъ всыпано столько-то розогъ или что ему будетъ вздута спина столькими-то ударами плетей отъ рукъ заплечнаго мастера. Намъ хотѣлось просто прочесть только нѣчто въ лицѣ убійцы или вора, сквозь физическія его очертанія добраться до нравственной физіогноміи, которую мы знали только на основаніи смутнаго источника: полицейскихъ актовъ, сочиняемихъ полицейскими и подсудимому кой-какъ прочитанныхъ. Я помню какія драмы разыгрывались при объявленіи приговоровъ. Изъ трехъ убійцъ одинъ былъ помягче и признался, другіе два соучастника заперлись, ихъ оставили въ подозрѣніи, а его присудили къ плетямъ и каторгѣ. Какъ онъ заплакалъ и какъ его товарищи самоувѣрено торжествовали; какъ намъ во очію проявился примѣръ царящаго зла! То что я говорю происходило давно, лѣтъ 25 тому назадъ, когда существовали всѣ три инстанціи

по существу дѣлъ и когда ни одно дѣло не выходило неисковерканное уѣзднымъ или надворнымъ судомъ, когда приговоры утверждались губернаторомъ, когда еще не существовали судебные слѣдователи. Если бы насъ въ то время спросили: чтоже такое судъ? гдѣ же онъ? то мы были бы въ затрудненіи и незнали бы что сказать. Настоящаго суда не было, а существовала одна только всевластная, всемогущая полиція.

Лѣтъ за сто передъ нами она вела въ застѣнокъ, садила паціента на кобылу и сѣкла его выколачивая изъ него признаніе. Потомъ она сѣкла только послѣ признанія, вымучиваемаго не сѣченіемъ, а долгимъ заключеніемъ. Расправа съ подсудимымъ и начиналась и кончалась въ полиціи. Въ промежуткѣ, для одной какъ говорилось *проформы*, установленъ якобы судъ, заключающійся въ томъ, что полицейское дѣло о подсудимомъ внесутъ въ избу на столъ, покрытый зеленымъ или краснымъ сукномъ, за которымъ усажены люди въ шитыхъ золотомъ мундирахъ. Эти люди, не спроса и невидавъ подсудимаго, промежъ себя что то поговорятъ, что то пропишутъ, а затѣмъ передадутъ дѣло опять въ полицію. Это былъ по имени только судъ, засѣдали тѣже чиновные люди, озабоченные только тѣмъ, чтобы дѣло механически производилось не по совѣсти, а по закону и сильно остерегающіеся что бы начальство противъ себя невостановить. Когда закрыли эту фабрику самодѣльныхъ приговоровъ, когда всю эту труху вынесли, упразднили и госпожу Ѳемиду перевели на новое мѣсто къ Литейному мосту, то у каждаго, кто постигалъ значеніе перемѣны, гора свалилась съ плечъ, жизнь начиналась новая, каждый могъ сказать какъ Симеонъ: »нынѣ отпущаешъ раба твоего!«

Мы не только узрѣли нашу богиню въ ея новомъ храмѣ; мы еще десять лѣтъ ей служили. Многіе изъ сподвижниковъ померли, многіе устали и отстали, но въ сердцахъ тѣхъ, которые еще живы, тотъ-же священный огонь и донынѣ свѣжа сила впечатлѣнія, когда выходитъ судъ изъ совѣщательной комнаты или выносятъ свой приговоръ присяжные свой продуктъ не пера, а совѣсти, когда среди гробового молчанія послѣ словъ: »виновенъ« чувствуешь какъ будто-бы громъ ударилъ и опалилъ то мѣсто надъ которымъ онъ разразился или когда послѣ словъ »невиновенъ« подсудимый возвращался семьѣ, друзьямъ, протягивая руки къ присяжнымъ, къ судьямъ. Чувствуешь что удов-

летворена полностью и явно одна изъ ненасытнѣйшихъ потребностей души человѣческой: правосудіе. Величайшая для будущаго опасность въ нашемъ судебномъ дѣлѣ заключается не въ оскуденіи привязанности нашей къ нему въ насъ, но въ слишкомъ большомъ увлеченіи этимъ дѣломъ, въ томъ что на немъ одномъ нельзя остановиться и почить а надо идти выше и выше. Мы какъ тѣ путники которые взбираются на какой нибудь изъ верховъ, взошли на верхъ, тогда за нимъ показался другой еще высшій, а за этимъ вторымъ еще третій и такъ дальше. Мы добились до того, что въ теперешней, недодѣланной и неготовой Россіи сначала подведенъ подъ нее фундаментъ: упраздненіе крѣпостничества, а за тѣмъ на пространствѣ наполненномъ мусоромъ и обломками возведено одно зданіе: судъ, крѣпкое, сводчатое и крытое. Мы въ этомъ зданіи проживемъ нашъ вѣкъ и костьми ляжемъ. Никакое однако одинокое зданіе не устоитъ, не трескаясь и не разваливаясь, не только когда его не чинятъ, но когда его не укрѣпятъ гдѣ слѣдуетъ подпорками, контрфорсами, когда его необнесутъ заборами и не окружатъ другими зданіями, которые бы составляли съ нимъ одно. Изъ любви къ судебнымъ уставомъ я, какъ лицо судебнаго вѣдомства, для ихъ укрѣпленія и преуспѣянія желаю, чтобы во *первыхъ* было приложено стараніе о примиреніи всѣхъ національныхъ розней, которыя кроются въ нѣдрахъ теперешняго порядка вещей и во *вторыхъ* о томъ, что бы были обновлены и пересозданы всѣ политическія учрежденія среди которыхъ новыя судебныя установленія стоятъ одиноко. Только посредствомъ обновленія государственныхъ учрежденій проложена будетъ дорога къ разрѣшенію всѣхъ соціальныхъ вопросовъ, къ разрѣшенію спора между трудомъ и капиталомъ, между капиталомъ и собственностью.

4. Обѣдъ 1876 года.

Могу ли сказать нѣсколько словъ безъ того, чтобы мою бесѣду съ товарищами не пропечатали Суворинъ или какая нибудь газета, напримѣръ, хотя бы »Петербурскій Листокъ?« Хотя мы люди и публичные, а все таки хотѣлось бы совершать не публично наши словесныя оргіи. Не шутя говорю, хотѣлось бы нѣчто сказать на сердце лежащее, а это то подхватятъ газеты и исковеркаютъ.

Видѣли ли вы когда нибудь голландскій червонецъ? ихъ ходило у насъ много нѣкогда въ публикѣ, не исключая и простонародья. На червонцѣ изображенъ былъ рыцарь въ латахъ съ пучкомъ стрѣлъ въ рукѣ, а кругомъ его славная нидерланская надпись, которая помогла Голландіи побороть Испанію: concordia res parvae crescunt. Эта то concordia намъ теперь особенно нужна. Нельзя сказать, чтобы ея теперь у насъ не было, но желательно, чтобы ея на будущее время хватило, что бы она не оскудѣла. Она становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ насъ больше, а куча наша теперь уже пребольшущая. Въ кучѣ есть люди и ветхіе, да степенные, и молодые, да рьяные. Есть и такіе которые предлагаютъ Совѣту: не суди ты совсѣмъ, а хотятъ судиться такъ составляй обвинительные акты и суди публично вѣчевымъ порядкомъ. Есть и такіе которые берутся командовать: Совѣтъ сюда или Совѣтъ туда! Въ Совѣтѣ господа не радостно сидѣтъ, рядитъ да своихъ же братьевъ судить. Что въ томъ пріятнаго, когда кому нибудь дашь предостереженіе или выговоръ, а онъ за то цѣлые полгода будетъ дуться и коситься? Отъ бывшихъ совѣтскихъ товарищей натерпишься еще болѣе чѣмъ отъ другихъ. Вотъ напримѣръ былъ такой то, сидѣлъ между нами и былъ съ нами одной масти и былъ строгій взыскатель, а теперь внѣ совѣта уже совсѣмъ иной масти и

уже перемѣнилъ музыку. Часто и выборы наши нехороши, подавай ему новый порядокъ, старый порядокъ выборовъ не годится. При такихъ условіяхъ положеніе Совѣта было бы вполнѣ невыносимое, если бы не то, что мы почтенная масса, что эта масса приняла неожиданно въ дѣлахъ корпораціи большое участіе и приходитъ въ большомъ числѣ на общія собранія наши. Эту громаду, не имѣющую въ общемъ результатѣ бесѣдъ никакого личнаго участія, кромѣ общаго интереса въ благосостояніи всего нашего сословія, можно бы упрекнуть только въ томъ, что она недостаточно вступалась за Совѣтъ, даваемый зачастую въ обиду, когда на него взъѣдались недовольные тѣмъ, въ чемъ Совѣтъ отвѣтственъ только передъ совѣстью, то есть за сужденія Совѣта о поступкахъ товарищей.

Поминутно слышалось: подавай намъ Совѣтъ, становись Совѣтъ на очную ставку, лжетъ Совѣтъ, измыслилъ Совѣтъ! Господа, перемѣняйте почаще лошадей въ вашей колесницѣ, но разъ вы ихъ запрягли подумайте, что честь ихъ честь ваша. Какая вамъ польза если Совѣтъ заплеванъ, а все вѣдь равно кѣмъ онъ заплеванъ: вами или другими людьми. Насколько Совѣтъ понизится — на стольмо понизитесь и вы, настолько понизится и корпорація.

Я еще больше скажу: тутъ нѣтъ ничего ни высокаго, ни низкаго, мы съ вами находимся въ слѣдующемъ положеніи.

Промысломъ нашимъ и нашихъ предшественниковъ, въ числѣ которыхъ я укажу съ гордостью на Константина Константиновича Арсеньева положены рельсы конки, есть и провалины, а все таки вагонъ катится; вы пассажиры въ этомъ вагонѣ, а мы упряжныя лошади. Ги! ги! кричатъ предлагатели съ правой стороны; Ги! ги! кричатъ попрекатели съ лѣвой стороны. Мы несемся прямою линіею, если бы мы васъ послушались то вагонъ соскочилъ-бы съ рельсовъ, вы бы сѣли, а публика помирая со смѣху говорилабы: ай, да конка, ай да лошади! ни прру ни ну! впередъ ни шагу! Я превозглашаю тостъ за то что бы нашъ вагонъ не сходилъ съ рельсовъ, за частую его починку и поправку и за поправку рельсовъ, но и за то, чтобы никто не смѣлъ говорить, что можно безъ рельсовъ ѣздить по уличнымъ ухабамъ.

Положеніе наше лучше чѣмъ годъ тому назадъ. Общее руганіе адвокатовъ прекратилось, ругаютъ и пробираютъ отдѣльныхъ лицъ не за дѣло, а иногда и за дѣло. Еще есть одинъ хорошій признакъ: по-

убавилось самомнѣнія. Самому крѣпкому человѣку приходится иногда споткнуться, но и промахъ этотъ можетъ послужить къ общей пользѣ. Когда споткнулся то не говори, что не повезло, а подчини твое частное самолюбіе общественному благу и стой за тѣмъ за начала, за которые ты стоялъ до этого случая. Кончаю тостъ: за подчиненіе частнаго самолюбія общему благу!

5. Обѣдъ 30 апрѣля 1878 года.

Когда нашъ предсѣдатель Алексѣй Михайловичъ (Унковскій) пріѣзжалъ заказывать обѣдъ у Бореля и торговался о его цѣнѣ, что бы онъ подходилъ по карману къ софистамъ XIX вѣка, то услужливый хозяинъ замѣтилъ: »что вы торгуетесь, вѣдь собираетесь вы въ послѣдній разъ; это всему городу извѣстно.« И такъ мы отходящіе люди, но никогда еще отходящіе не имѣли болѣе здоровыхъ лицъ, болѣе веселости, больѣ сильнаго аппетита. Никогда еще я лично не чувствовалъ себя бодрѣе; никогда еще не ощущалъ въ себѣ больше гордости, что ношу знакъ на которомъ изображенъ только столбъ, но на этомъ столбу написано мелкимъ шрифтомъ: »законъ« подъ короною. Никогда еще не гордился я больше тѣмъ, что принадлежу къ сословію петербурской адвокатуры, что посвятилъ себя этой опальной нынѣ профессіи и даже что эта профессія обрѣтается нынѣ въ опалѣ; есть опалы, которыя честнѣе чиновъ, орденовъ, знаковъ отличія. Я горжусь опалою, а почему горжусь, это я вамъ раскажу. Годъ прошедшій былъ знаменателенъ въ двухъ отношеніяхъ: убыла одна общественная болячка и съ нами помирилась aura popularis: общественное мнѣніе. Я никогда не былъ поклонникомъ и куртизаномъ aurae popularis, но имѣть ее постоянно противъ себя какъ то неловко, она морозитъ точно сѣверный вѣтеръ до мозга костей. Пробирала-же она насъ порядкомъ, а потомъ унялась. Кто былъ виноватъ? кто измѣнился? она ли? мы ли? Я полагаю что она сама, она голубушка была виновата; не тамъ гдѣ слѣдовало ставила идеалы, искала невозможнаго. Высшій идеалъ на поприщѣ судебномъ, это конечно идеалъ не адвоката, а судьи твердаго, спокойнаго, безстрастнаго. Скажутъ, что такого судьи еще нѣтъ, что не родила его святая Русь. Я можетъ быть поспорю, а можетъ быть и

повѣрю. Но въ началѣ судебной реформы въ народныхъ представленіяхъ положенъ былъ въ главу угла реформы не судья, а адвокатъ, и являлся онъ въ какомъ то фантастическомъ ореолѣ, какъ чародѣй Орфей, спасающій невинныхъ, истребляющій чудовища, совершающій одни только добрыя дѣла.

Ореолъ былъ утрированный, послѣдовало неизбѣжное развѣнчаніе и соотвѣтствующее прежнему напрасному величанію втаптываніе безъ вины въ грязь. Мы господа, не судьи, мы только защитники противоположныхъ сталкивающихся интересовъ. Наша роль скромнѣе и требованія къ намъ обращаемыя должны быть меньше. Эти меньшія требованія мы точно исполняли. Ихъ собственно три: 1. стараться отыскать въ защищаемомъ интересѣ сторону положительную; 2. говорить все, что можно сказать въ пользу этого интереса (не всю можетъ быть правду, но одну только правду), наконецъ 3. не держать языкъ за зубами »страха ради іудейска«, а рѣзать правду прямо въ глаза, не боясь сильныхъ міра сего, не сгибая шеи, не понижая голоса, ратуя смѣло, рѣшительно, свободно. Эти условія нами выполнены. На насъ перестали кричать; притихли даже дальніе раскаты грома. Таково первое наше пріобрѣтеніе прошедшаго года.

Есть и второе и весьма положительное. Часть нашей дружины, довольно значительная трудилась и поработала и на пользу людей и на пользу общественную (политическое дѣло о 193 лицахъ судившихся). Мы имѣли свою Плевну и Шипку и свой горный Дубнякъ, своихъ Радецкихъ и Скобелевыхъ. Защита вела траншеи, пробивала бреши и разнесла голыми руками, кирпичъ за кирпичемъ, всѣ строеніе обвинительнаго акта.

Мы не искали крестовъ, мы не получали медалей за храбрость, но мы кое что сдѣлали не щадя живота, о чемъ можно судить индуктивно по тому вою цѣлыхъ стай шакаловъ, которые тоскуютъ по вырванной имъ изъ пасти добычѣ. Мы пришлись не по нраву всей фарисейской синагогѣ, мы стали костью въ горлѣ не одной высокопоставленой особѣ, эти особы охотно бы съѣли насъ, но не лѣзетъ — удавишься. Насъ однако ненавидятъ всѣ волки, и тѣ которые по полю рыщутъ скаля зубы и которые надѣли на себя овечьи шкурки и забрались въ овчарни, да прикидываются пастухами овечьими. Потѣшныя вещи происходятъ точно въ басняхъ Лафонтена или Крылова. Если

бы я былъ баснописецъ, я бы вамъ представилъ сценку въ родѣ слѣдующей: Сидитъ сѣрый волкъ на корточкахъ въ овечьей шкуркѣ и морализируетъ: o tempora! o mores! o развращенный вѣкъ! Сколь многихъ людей ты увлекаешь страстью къ наживѣ; ты источникъ краснорѣчія. Соловьями научатся пѣть сребролюбцы, чтобы снискать популярность, а посредствомъ популярности что бы нажить деньги, набить карманъ и брюхо. О матеріализмъ, матеріализмъ! воетъ волкъ крестясь и проливая слезы отъ того, что мы не идемъ ему въ охотничьи собаки и не загоняемъ никого въ открытую пасть. Дать другихъ и себя на съѣденіе волку вотъ удоволствіе, въ которомъ приходится ему отказать. »Недаймося«, говорятъ чехи, будемъ и мы держать себя вкупѣ и будьте увѣрены, что уцѣлѣемъ. Если бы насъ даже и разкассировали, вопреки моимъ предвидѣніямъ, то вы знаете, что иногда смерть почетнѣе всякаго существованія. Potius mori quam foedari. Я поднимаю тостъ за нашу стойкость, за наше дружное отстаиваніе свободнаго слова въ Россіи, котораго мы являемся нынѣ главными представителями.

---

6. Обѣдъ 29 апрѣля 1879 года.

Товарищи! Я горжусь тѣмъ, что я вашъ бывшій заслуженный прикащикъ, состарѣвшійся, можно сказать, на вашей службѣ и вами отпущенный на покой. Я еще болѣе горжусь тѣмь, что по заведенному лѣтъ шесть тому назадъ обычаю, я былъ участникомъ въ тѣхъ начавшихся по моему почину застольныхъ рѣчахъ, безъ которыхъ обѣдъ нашей языкомъ дѣйствующей братьи еще менѣе можетъ обойтись, чѣмъ безъ бокала вина. Старъ ли я сталъ, или ремесло опошлѣло, или времена перемѣнились, но увѣряю Васъ, что работа сдѣлалась мудренѣе, головоломнѣе. Тяжелъ мнѣ этотъ фатальный, прожитой нами и теперь запиваемый, *тринадцатый* годъ нашего корпоративнаго существованія. Я бы много далъ, чтобы откупиться на этотъ разъ отъ произнесенія слова и передать эту обязанность кому-нибудь другому, но никто за это не берется. Я вотъ какую штуку было задумалъ: сказать похвальное слово молчанію со ссылкою на то восточное, кажется арабское изрѣченіе, что слово серебро а молчаніе золото, но тутъ были два препятствія, помѣшавшія моему намѣренію, одно то, что проповѣдывать молчаніе намъ бреханцамъ не подобаетъ; это значило бы отказаться отъ нашей профессіи и совсѣмъ закрыть нашу лавочку. Другое препятствіе то, что молчаніе не всегда прилично добрымъ гражданамъ въ тяжелыя, безпокойныя времена. Вспомните, что говоритъ, въ трагедіи Шекспира, Юлій Цезарь о Кассіѣ: это человѣкъ весьма опасный, онъ мало говоритъ, а много читаетъ и наблюдаетъ, не любитъ игрищъ и музыки и рѣдко смѣется; какъ жаль, Брутъ, что онъ не потучнѣе и не побольше говоритъ.

Молчаніе къ намъ не идетъ, говорить надо, да о чемъ? Намъ законникамъ, рожденнымъ отъ отца свода законовъ и отъ матери

книги судебныхъ уставовъ, о чемъ же говорить, какъ не о законахъ и законности, о томъ какъ они цвѣтутъ и развиваются и съ каждымъ годомъ болѣе укрѣпляются. Мелкимъ корешкомъ была законность, когда мы ее насаждали, а теперь какая тѣнь прохладная подъ листвою ея вѣтвей. Но я спрашиваю васъ, товарищи, или мы такъ далеко впередъ зашли, или времена стали теперь такія особенныя, что пальмы законныя при насъ насажденныя, падаютъ точно гнилыя и истлѣваютъ. Слышны порою крики: долой законность! это вредный предразсудокъ! Другіе отыскиваютъ какую то мѣру въ законности или обсуждаютъ ея своевременность и несвоевременность, наконецъ сходятся на томъ, что лишъ бы былъ видъ законности, а объ остальномъ и не спрашивайте и подъ покрышку вглубь не заглядывайте. Признаюсь, господа, или я такъ состарѣлся или подъ законностью нѣчто иное понималъ. Я рѣшился болѣе о ней не толковать. Бросимъ законность и поищемъ другихъ сюжетовъ, настолько невинныхъ, чтобы даже и мухи не обидѣть.

Господа, я буду похвальное слово говорить веснѣ, солнечнымъ лучамъ, зелени, цвѣтамъ и почкамъ. Я въ простомъ смыслѣ говорю а не въ иносказательномъ, то есть я говорю о времени года, а не объ общественномъ законѣ съ его обманчивыми надеждами. Я и *свободу* прославлять буду, но какую? не ту о которой вы думаете, а ту которую испытываемъ мы отставные члены совѣта, свободу отъ дѣлъ совѣтскихъ, отъ тяжелой повинности дисциплинарнаго судбища. Я всякаго блага желаю нашимъ собраніямъ по корпораціи, я каждому изъ насъ желаю покоя и думаю, что если кто-нибудь изъ насъ будетъ какъ улитка сидѣть въ своей раковинѣ не вылезая наружу, то можетъ быть его и не тронутъ. Такого же покоя желаю я и дѣтищу нашему, избранному нами Совѣту и хотѣлъ бы напутствовать его слѣдующими словами:

Не будь ты, Совѣтъ, слишкомъ рьянъ, не вылезай и ты изъ раковины, а когда необходимость тебя принудитъ, то показывай твою головку съ рожками, но бережно и осторожно. Не проектируй слишкомъ многаго; есть времена, когда главная заслуга заключается въ томъ, чтобы сохранить уже пріобрѣтенное и кое-какъ прожить не накопляя и не растрачивая капиталовъ. Въ одномъ только мы потребуемъ отъ тебя строгаго отчета: блюди неукоснительно чистоту

нравовъ, не увлекайся мягкосердечіемъ, требуй безусловно честности, не спускай ни тому, кто съ деньгами своихъ кліентовъ обходится какъ съ своими собственными, ни тому, кто для достиженія своихъ цѣлей пролѣзетъ, обойдетъ, измѣнитъ или передѣлаетъ законъ. Не только въ настоящемъ но и во всякомъ будущемъ безусловная честность первый долгъ. Всякое послабленіе преступно, останется форма, но разрушится цементъ корпораціи — взаимное уваженіе. Коль скоро корпорація сдѣлается пріютомъ для всякаго, хотя бы нечистоплотнаго народа, то порядочные люди уйдутъ. Тогда корпораціи не слѣдовало бы и существовать. Я глубоко убѣжденъ, что нашъ Совѣтъ будетъ такъ дѣйствовать. Позвольте мнѣ Алексѣй Михайловичъ чокнуться съ вами какъ съ предсѣдателемъ Совѣта.

7. Обѣдъ 27 апрѣля 1880 года.

Въ уголовномъ отдѣленіи Юридическаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ я предсѣдательствую, полгода идетъ вопросъ объ устраненіи изъ дѣла обстоятельствъ къ нему не относящихся. Я горячо стою за это исключеніе. Но нынѣ отступая отъ этого начала и измѣняя моей программѣ я рѣшился заговорить съ вами, господа товарищи, объ обстоятельствѣ явно и безспорно не относящемуся къ нашему общему дѣлу, то есть къ нашей профессіи и провозгласить громкое regeat! отходящему дѣятелю, министру не юстиціи, человѣку, который не иначе можетъ быть помянутъ какъ только лихомъ, потому, что онъ значительно затормозилъ въ Россіи ходъ общественнаго развитія и отравилъ жизнь нѣсколькихъ подрастающихъ поколѣній, графу Дмитрію Толстому. Произнесемъ ему громкое и единогласное осужденіе не какъ адвокаты, но какъ граждане. Мы его осуждаемъ не потому что онъ классикъ, а не реалистъ, и даже не потому что онъ былъ представителемъ ненавистной литературной партіи, которая съ величайшею нетерпимостью господствовала въ школѣ, угнетая всѣхъ иначе чѣмъ она думающихъ. Мы его осуждаемъ за систематическое стѣсненіе высшаго образованія и въ качественномъ и въ количественномъ отношеніи: въ качественномъ за приниженіе его достоинства, самостоятельности, свободы; въ количественномъ за стѣсненіе искуственными препятствіями, древними языками да экзаменами доступа къ высшему образованію, такимъ устроеніемъ учебнаго дѣла, чтобы проходили только зажиточные и богатые, чтобы поменьше былъ питомникъ для будущихъ правителей государства, чтобы получали это высшее образованіе только люди, могущіе по состоятельности своей дозволить себя досугъ и баловство непригоднаго ни къ чему въ жизни

практическаго занятія классицизмомъ. Допустимъ, что въ цѣломъ ряду лѣтъ продолжалась бы пагубная система, что окончательно была бы уничтожена еле дышащая университетская автономія. Допустимъ что установленъ государственный экзаменъ, что министръ народнаго просвѣщенія изображаетъ собою нѣчто въ родѣ святаго Петра съ ключами, отверзающаго рай передъ избранниками, признанными достойными получить аттестатъ зрѣлости для государственной службы, даже если они и не проходили университетскихъ курсовъ. Тогда плохо будетъ отъ этой системы, хотябы министромъ было и другое лицо. Pereat которое я предлагаю отошедшему министру, требуетъ посему еще слѣдующей прибавки: пропадай его духъ, его намѣренія, его преданіе. Есть дикари, которые съ раннихъ лѣтъ сжимаютъ черепа у дѣтей и даютъ имъ форму четыреугольную или коническую. Нѣчто подобное совершалось у насъ при бывшемъ министрѣ. Да пропадутъ и его вдохновители и руководители, водившіе его на помочахъ, а во главѣ ихъ тотъ мрачный митрополитъ реакціи, покрутѣе московскаго Филарета, злой духъ превзошедшій Аракчеева, Магницкаго и пожалуй и Муравьева, хотя этотъ злой духъ былъ только литераторъ и журналистъ, философъ Страснаго бульвара М. Н. Катковъ!

Удаленіе со сцены дѣйствія графа Д. Толстого имѣетъ то громадное значеніе, что оно послѣ многихъ и многихъ лѣтъ образуетъ первую трещину въ нависшемъ надъ нами сводѣ, подъ которымъ мы задыхаемся, въ сводѣ реакціи; первое удовлетвореніе чувству послѣ страданій испытанныхъ въ послѣдніе четырнадцать лѣтъ, тѣхъ 14 лѣтъ, которые соотвѣтствуютъ и 14 годамъ существованія судебныхъ уставовъ. Все въ теченіи этихъ 14 лѣтъ износилось, опостылило, сдѣлалось омерзительнымъ. Обветшали и растрепались судебные уставы. Мы обрѣтаемся какъ будто бы посреди развалинъ. Одинъ тормазъ исчезъ, одинъ мозоль вырѣзанъ. Можетъ быть за этимъ облегченіемъ послѣдуетъ и другое и третье, можетъ быть произойдетъ послѣдовательно и постепенно переходъ къ лучшему. Реакціи имѣютъ вообще то свойство, что когда онѣ приходятъ къ концу, что какъ только произойдетъ трещина въ одномъ мѣстѣ системы, все распаривается по швамъ, а за одною прорѣхою пойдетъ много и другихъ. Дай то Богъ, я не пессимистъ и думаю что совсѣмъ невѣренъ тотъ напѣвъ, который слышится повторяемый на всѣ лады, что чѣмъ хуже тѣмъ

лучше. Я полагаю, что можетъ быть еще гораздо хуже настоящаго, что можно бы многое дать за то, чтобы поворотъ къ лучшему шелъ не по часамъ а по мѣсяцамъ, безъ колебаній отъ крайняго радикализма къ крайней реакціи и на оборотъ. Такъ или иначе будемъ смотрѣть на настоящую минуту: временной ли она отдыхъ, пока мы неопустимся ниже, или первая оттепель, возвѣщающая еще далекую весну, одно спасеніе всѣхъ и каждаго а слѣдовательно и нашей корпораціи заключается въ томъ, чтобы быть послѣдовательными, держаться вкупѣ подъ нашимъ старымъ испытаннымъ знаменемъ закона и свободы, величайшей терпимости для всѣхъ честныхъ убѣжденій, равноправности для всѣхъ состояній и національностей. Въ послѣдней изъ своихъ Causeries Florentines (1880) Юліанъ Клячко говоря о Дантѣ, замѣчаетъ, что въ средніе вѣка шло наслоеніе людей горизонтальное, что всякое дворянство, духовенство, мѣщанство стояло ближе къ своему, хотя и иноязычному, сословному, нежели къ разносословному земляку. Потомъ наступило построеніе вертикальное отъ почвы къ верху, отъ мужика до дворянина, лишь бы они были земляки, все сплотилось въ національныя массы приросшыя къ почвѣ. Нынѣ опять стали преобладать общія идеи, распространяются космополитическія связи, есть черная интернаціоналка — іезуиты, есть и красная — соціалистическая; есть еще интернаціоналка всѣхъ умныхъ образованныхъ людей, не отвергающая своего родного, но вмѣстѣ съ тѣмъ космополитовъ. Національнизмъ до того опакощенъ славянофильствомъ, надѣющимся всѣхъ славянъ обратить въ православіе, и патріотами въ родѣ Каткова, бьющими въ набатъ, что право приходится окунуться въ общечеловѣческія идеи и стать чуточку больше европейцемъ. Я полагаю, что мы дали теперь солидное доказательство нашего космополитизма избравъ въ Совѣтъ Александра Яковлевича Пассовера, который по своему таланту и заслугамъ давно долженъ былъ сидѣть въ Совѣтѣ небудь препятствія въ его происхожденіи. Мы избрали его не взирая на расу. Мнѣ какъ одному изъ старѣйшихъ въ корпораціи и въ Совѣтѣ, пріятно привѣтствовать Александра Яковлевича, тѣмъ болѣе, что я членъ нерусской и страждущей національности и притомъ такой, которая въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ царствѣ польскомъ уже дождалась разрѣшенія еврейскаго вопроса на раціональныхъ логическихъ основаніяхъ, на которыхъ онъ будетъ когда нибудь разрѣшенъ и въ Россіи.

За мою національность я не опасаюсь, противодѣйствуетъ ей политическія учрежденія и временные законы, которымъ немногіе русскіе сочувствуютъ; корень противодѣйствія не въ народныхъ интересахъ, а въ нравахъ; полякъ можетъ обрусѣть и русскій ополячиться, они не отталкиваются взаимно, какъ то бываетъ при соприкосновеніи славянъ съ еврейскимъ элементомъ. Польскій вопросъ есть вопросъ времени, а притомъ недальняго, который будетъ разрѣшенъ не смотря на всѣхъ Катковыхъ. Еврейскій вопросъ труднѣе, его развязкѣ противятся наши нравы, но въ сущности онъ очень простъ. За исходную точку вы должны взять равноправность, а затѣмъ въ виду особенныхъ свойствъ этого племени, вы можете ограничить его въ томъ или другомъ отношеніи, чтобы оно не эксплоатировало крестьянъ, что бы оно не монополизировало торговли. То будутъ изъятія, мотивированныя изъятія. И въ племенныхъ отношеніяхъ наблюдается тоже, что и въ жизни частныхъ лицъ. Вамъ кто нибудь противенъ; не живите съ нимъ, не сообщайтесь, не роднитесь, но вы не вправѣ не пускать его туда, куда допускаются всѣ люди по ихъ заслугамъ. Если у васъ въ виду лицо на репутаціи котораго нѣтъ ни соринки грязи, лицо исполненное ума, таланта, лицо во всѣхъ отношеніяхъ достойное, то вы не вправѣ его не выбирать потому только, что онъ не свой коренной, а инородецъ.

Заключая рѣчь поднимаю бокалъ за всю корпорацію, за всю семью, за всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ, въ особенности за отсутствующихъ не по волѣ своей. Чекаюсь мысленно съ Дмитріемъ Васильевичемъ Стасовымъ, котораго сердечно желаю видѣть reducem post ejus peregrinationes transmoscoviticas.

Съ безпредѣльною грустью вспоминаю еще объ одномъ лицѣ, безвозвратно пропадающемъ, такомъ добромъ, такомъ сердечнымъ — то былъ человѣкъ — душа. Вы знаете о комъ я говорю: о Григорьѣ Васильевичѣ Бардовскомъ!

8. Обѣдъ 3 мая 1881 года.

Какъ ни прискорбно то что я скажу, какимъ бы страннымъ оно не показалось, я утверждаю и надѣюсь доказать, что вся подкладка и общественнаго и государственнаго строя есть право сильнѣйшаго.

Подъ сильнѣйшимъ я разумѣю способнѣйшаго властвовать, командовать. Я полагаю что всякое государство есть организованное господство наиболѣе способныхъ къ тому по своей силѣ людей. Весь процессъ жизни человѣчества ведетъ только къ тому, чтобы эта господствующая сила постепенно облагораживалась, чтобы во главѣ ея стояли люди дѣйствительно а не мнимо способнѣйшіе. Грубая физическая сила давно отошла назадъ, какъ мнимая способность. Другія качества взяли верхъ: отчасти родовитость, отчасти богатство, пайбольшее пространство своей собственной земли и самый объемистый карманъ. Наконецъ за ними прибылъ и послѣднимъ на пиръ явился и потому помѣстился у самыхъ дверей умъ не въ связи съ породою и не въ связи съ богатствомъ.

Очень неохотно пустили на пиръ этого послѣдняго пришлеца и проталкивался онъ впередъ обыкновенно не иначе какъ съ бритымъ подбородкомъ и принарядясь въ галуны, въ шитье, или въ куцый вицъ-мундирчикъ съ металлическими пуговицами. Кого хоронятъ спрашивала публика? Камеръ-юнкера Пушкина, отвѣчала полиція. Сравните съ этими похоронами похороны напримѣръ Достоевскаго и вы замѣтите успѣхъ. Умъ нынѣ умѣстился; не стѣсняясь и не стыдясь онъ уже ходитъ въ простомъ сертукѣ или даже въ чуйкѣ подпоясанный ремнемъ, но всетаки не далеко отъ порога и больше въ прихожей, а не у почетнаго мѣста подъ образами. Вы спросите, почему это меня интересуетъ — да потому что этотъ умъ, мы сами и притомъ

не мы одни. Мы охотно уступимъ первыя мѣста другимъ профессіямъ интеллигентнаго труда. Есть профессора, которые читаютъ лекціи, есть писатели и артисты, а дальше то несомнѣнно мы, какъ звѣно соединяющее міръ вырабатываемой мысли съ разными техническими и практическими ея приложеніями. Наша профессія была всегда подготовкою къ болѣе широкой дѣятельности общественной. Вы помните какимъ блистательнымъ у насъ явленіемъ было нарожденіе адвокатуры и за тѣмъ какъ она теряла популярность и вытѣснялась при содѣйствіи печати. Реакція была естественная, адвокатуру поставили на слишкомъ высокій пьедесталъ. Но къ этой реакціи литературной примѣшалась и реакція общественная; адвокатуру топтали въ грязь, со злорадствомъ камнями побивали »прелюбодѣевъ мысли« тѣ архиразбойники печати, которыхъ обзывали »мошенниками пера« и которыхъ одинъ изъ нашихъ собратьевъ опредѣлилъ такъ: »сводники посредствомъ типографскаго станка грубыхъ инстиктовъ черни съ сквернымъ отложеніями мысли.« Съ каждымъ поворотомъ отъ реакціи къ прогрессу, отъ застоя къ живому движенію общественному, къ намъ возвращается частица утраченнаго какъ будто бы нашего значенія. Къ намъ начинаютъ возвращаться политическіе процессы. Выйгрышъ адвокатурѣ отъ того невеликъ. Обвиненіе разжигаетъ страсти, прокуратура волнуется какъ пиѳія, вступающая на свой треножникъ, адвокатурѣ подобаетъ только разумное, холодное слово отрезвляющее въ видѣ струи воды со льдомъ. Къ намъ могутъ возвратится процессы печати, борьба за свободу слова. Я надѣюсь что они возвратятся когда нибудь. Самое утѣшительное явленіе для меня то, что наша семья нераспалась, что она стоитъ за одни и тѣже начала, что вся она въ либеральномъ лагерѣ, а не у пугающихъ и назадъ насъ зовущихъ террористовъ. Господа товарищи, теперь надобно держаться вкупѣ и образоватъ, отстрѣливаясь на всѣ стороны, плотное карре. Положеніе наше единственное въ своемъ родѣ: средины нѣтъ а предстоятъ только два пути разходяшіеся въ безконечность подъ прямымъ угломъ. Въ теченіи двухъ цѣлыхъ мѣсяцевъ мы не подвинулись ни на шагъ, ни по той ни по другой дорогѣ, или лучше сказать мы толчемся на одномъ почти мѣстѣ, переходя съ одной дороги на другою, между тѣмъ событія несутся мимо насъ съ ужасающею и увеличивающеюся быстротой, пожирая людей и унося ихъ безвозвратно. Сколько министровъ исчезло въ прошломъ году.

Не будутъ ли скоро унесены Лорисъ-Меликовъ, Абаза и Д. Милютинъ? Всего смѣлѣе кричатъ »назадъ!« Къ чему назадъ? Къ политикѣ графа М. Н. Муравьева въ 1866? отъ которой въ этомъ году избавила насъ другая политика Петра Шувалова, политика медленной и систематической реакціи, но въ болѣе приличной и мягкой формѣ. Политика Муравьева учила хватать виноватыхъ и невинныхъ, вырѣзывать корни полипа, но вмѣстѣ съ ними рѣзать и живое мясо. Мы пойдемъ очевидно вспять! Прочь законы и законность! Прочь права лица, обезпеченность его и его имущества! Прочь вѣковыя наслажденія культуры! Философъ Гербертъ Спенсеръ дѣлитъ цивилизацію на два типа или порядка: принудительно военный и спокойно промышленный. Мы повидимому переступили во второй, но вдругъ воскресаетъ первый, отпадаютъ бѣлила и румяны и возстановляется нѣчто въ родѣ допетровской Москвы, куда насъ зазываетъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, забывшій все свое прошлое и превратившійся въ ярого ретрограда. Но возвратъ къ старому есть возвратъ къ грубой силѣ, ко всѣмъ животнымъ инстиктамъ массъ. Другой путь возможенъ, но онъ труденъ и неясенъ. Слѣдовало-бы идти все впередъ, не думая о террорѣ, но заботиться о томъ, чтобы не содѣйствовать увеличенію контингента революціонеровъ, перекинуть мостъ черезъ пропасть и перебраться по этому мосту изъ настоящаго въ будущее, впрягая въ это дѣло всю интелигенцію общества, давая всѣмъ столько работы что бы они и думать о чемъ нибудъ другомъ не имѣли возможности. Переживаемая нами минута поистинѣ роковая. Да будетъ мнѣ позволено провозгласить тостъ за тѣхъ людей, которые стоятъ твердо за прогрессъ, за либерализмъ, за всѣхъ серьезныхъ государственныхъ людей въ Россіи и между ними за того симпатичнаго армянина, которому мы были обязаны послѣ многихъ тяжелыхъ лѣтъ нѣсколькими отрадными минутами!

9. Обѣдъ 2 мая 1882 года.

Когда вчера я перебиралъ пожелтѣвшіе листки моихъ черновыхъ набросковъ застольныхъ моихъ рѣчей на товарищескихъ обѣдахъ, то оказалось что истекло 9 лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ въ 1873 г. въ концѣ апрѣля я произнесъ первую такую рѣчь. Были времена веселыя, были рѣчи игривыя; съ годами стало примѣшиваться много желчи. Нынѣ вся веселость пропала, смѣхъ убитъ; единственный возможный нынѣ юморъ это такъ называемый Galgenhumor или висѣличный. — Кто видалъ танецъ смерти на фрескахъ Гольбейна въ Базелѣ или на картинахъ Каульбаха, тотъ помнитъ этотъ остовъ танцующій, глядящій своими впадинами вмѣсто глазъ и смѣющійся своими голыми челюстями. Онъ ведетъ за собою папъ, королей, рыцарей, горожанъ и мужиковъ цѣлыми хороводами неистово пляшущихъ. — Лучше нежели такой смѣхъ — самое мрачное настроеніе, лучше то состояніе души которое предшествуетъ самоубійству. — Это общее мрачное настроеніе вызывается не обстоятельствами лично касающимися той крошечной клѣточки, которую мы называемъ нашимъ сословіемъ, то есть нашей адвокатуры. Какъ присяжная адвокатура мы дѣлаемъ успѣхи. Мы функціонировали на великихъ государственныхъ процессахъ, мы удостоились того, что послѣ процесса *двадцати* сдѣлано представленіе о томъ, чтобы въ засѣданія особаго присутствія сената при закрытыхъ дверяхъ не допускались иные защитники кромѣ присяжныхъ повѣренныхъ. Успѣхомъ этимъ мы моглибы не гордиться, успѣхъ этотъ заслуженный, но ей Богу же онъ не купленъ цѣною какихъ бы то не было уступокъ, а все таки онъ успѣхъ съ точки зрѣнія маленькаго кружка составляющаго нашу корпорацію. — Мы страдаемъ не какъ члены корпораціи, а какъ члены того великаго цѣлаго, въ которомъ мы

утопаемъ какъ капля въ морѣ. — Изъ смутнаго времени мы въѣхали въ настоящее революціонное, въ которомъ не люди руководятъ событіями, но событія управляютъ людьми и вихремъ уносятъ ихъ какъ падающія листья. Въ евангеліи отъ Матвѣя 24 г. сказано: »и будутъ глады и пагубы и трусы по мѣстомъ«. — Эти смуты не только будутъ, но они уже и есть. Вы знаете что они есть: я разумѣю избіенія евреевъ. — Я не сторонникъ сліянія съ евреями безъ кондицій, но когда ихъ грабятъ и жгутъ, побиваютъ и безчестятъ, то не время уже сводить счеты, а долженъ заговорить человѣкъ и вступиться за другихъ людей. Онъ долженъ потребовать чтобы была исполнена первая обязанность государства: водвореніе внѣшняго матеріальнаго порядка, господство организованной силы; укрощеніе разсвирепѣвшаго звѣря. — Печально то что событія, достойныя давно минувшихъ столѣтій встрѣчаются публикою холодно, равнодушно, не вызывая не только дружнаго противодѣйствія, но даже и сильнаго протеста, что они сопровождаются даже нѣкоторою долею фарисейскаго злорадства. Hodie mihi cras tibi, такова надпись на танцѣ смерти. Сегодня евреевъ, завтра поляковъ, а потомъ нѣмцевъ, но не на Рейнѣ, а на Васильевскомъ острову. Въ 90 милліонномъ государствѣ 50 милліоновъ великороссовъ пойдутъ избивать и вытравлять 40 милліонное населеніе невеликороссовъ, чтобы превратить богатую, пеструю, узорчатую ткань въ одноцвѣтную сѣрую портянку, или въ рубаху какъ кровъ красную, хотя она и не изъ кумача. Между тѣмъ какъ мы будемъ побивать другъ друга во имя ослѣпшаго національнаго, экономическій вопросъ подползетъ къ намъ, опрокинетъ насъ и надавитъ намъ колѣномъ грудь, какъ левъ ищущій кого пожрать. — А, вы не хотите докончить аграрную реформу, вы бросили на произволъ судьбы спущеннаго съ цѣпи крѣпостнаго. Теперь вы на него оперлись, чтобы раздавить оторванную отъ почвы и бунтующую интеллигенцію. Такъ давайте же намъ опять на столъ аграрную реформу, будемъ ее опять перерѣшать. Сфинскъ Россія скажетъ гнилому западу свое рѣшеніе загадки: второй надѣлъ, третій надѣлъ, надѣлъ навѣки, пока будетъ изъ чего надѣлять. Вразумите кого нибудь изъ тревожно ожидающихъ надѣла 60 милліоновъ мужиковъ что его не будетъ. Я скорѣе думаю что къ тому идетъ, что надѣлъ будетъ и что отъ него народъ станетъ и диче и бѣднѣе. — Не дай Богъ годъ неурожая, не дай Богъ случайной внѣшней войны

и бѣда послѣдуетъ неслыханная, разореніе передъ которымъ шутка Наполеоново нашествіе. Неужели это начало конца! Неужели мы присутствуемъ при окончательномъ вымираніи цѣлой лжецивилизаціи, недоразвившейся до настоящей культуры и мелькнувшей обманчивымъ призракомъ приведшимъ въ заблужденіе цѣлые два вѣка?

На этотъ вопросъ трудно отвѣчать. Я не берусь за отвѣтъ, но знаю, что отживаетъ и заканчивается по крайней мѣрѣ цѣлый отдѣльный циклъ въ исторіи этого организма, что происходитъ ликвидація цѣлаго громаднаго періода Россіи петровской, что умеръ взаправду ты гигантъ на бронзовомъ конѣ, взмахомъ весла котораго неслась до сихъ поръ Россія по волнамъ всемірной исторіи. Еслибы ты могъ почеловѣчески чувствовать, Мѣдный Всадникъ, то тебя сильно бы задѣло и озадачило объявленіе о твоей несостоятельности съ учрежденіемъ конкурснаго управленія. Ты думалъ, когда ты покончилъ съ твоимъ сыномъ Алексѣемъ въ застѣнкѣ, что ты избавился отъ всего того, что за нимъ стояло и что угрожало всѣмъ твоимъ преобразованіямъ. Оказывается что ты ошибся; Алексѣя Петровича нѣтъ, но есть его сторонники бояре въ горлатныхъ шапкахъ, его монахи являющіеся цѣлыми сотнями. Они тебя отрѣшаютъ, они какъ будто бы господствуютъ, а съ ними вмѣстѣ водворилась Византія или даже нѣчто хуже чѣмъ Византія — татаршина, та, о которой думалъ Алексѣй Толстой когда писалъ: «и наглотавшись татаршины всласть вы Русью ее назовете...» и «отвернувшись задомъ къ Варягамъ лицомъ вы обратитесь къ Обдорамъ». Бѣдный гигантъ, ты теперь опозоренъ, низвергнись поскорѣе въ пропасть надъ которою ты повисъ на твоемъ конѣ вздернутымъ на дыбы! Твое прошло, теперь ихъ чередъ, тѣхъ, которыхъ ты якобы безповоротно устранилъ. Оказывается что они долговѣчнѣе тебя и пережили тебя и господствуютъ.

Повидимому мы свидѣтели такой именно развязки великаго вопроса. Эта развязка давитъ меня какъ кошмаръ. Добрую половину остатка моей жизни отдалъ бы я за то, чтобы то что я испытываю оказалось кошмаромъ. Есть еще надежда что такъ и будетъ. Есть въ мірѣ и физическомъ и общественномъ законъ вѣчности и неистребимости силы. Есть еще другой законъ, міровой, соціальный, преемственности идеи. Я твердо вѣрю, что осуществленіе петровской идеи одними только дѣйствіями верховной власти насталъ конецъ, но значительная доля этой идеи

живетъ уже во всемъ русскомъ обществѣ и можетъ быть воплощаема имъ, если имъ унаслѣдована хотя частица его пытливаго ума, его смѣлости, его самостоятельности, его любви къ человѣку, будь онъ русскій или иноземецъ, лишь бы онъ былъ полезенъ государству — прямо скажу: если во всѣхъ есть частица Петровскаго западничества. Какіе бы не были смуты и ураганы, вѣрю, что наше цѣлое вытащитъ насъ, что насъ спасетъ витающій въ обществѣ донынѣ духи Петра Великаго. Я пью за вѣчную намять самаго Петра Великаго!

10. Обѣдъ 24 апрѣля 1883 года.

Господа товарищи! Не всегда то вѣрно, что написано на голландскомъ червонцѣ: concordia res parvae crescunt. Иногда и наибольшіе предметы не то распадаются, а становятся болѣе плоскими или такъ сказать опошляются, если слѣдуя правилу: »блаженни миролюбцы«, громада будетъ заботится только о томъ, чтобы была ширь да гладь, одинъ уровень ничтожества и посредственности. Борьба можетъ быть не только зломъ, но и добромъ при слѣдующихъ двухъ условіяхъ: 1. когда есть партіи не личныя, а принципіальныя и 2. когда состязаніе ведется вполнѣ честно, съ полнымъ взаимнымъ уваженіемъ между противниками и въ полной увѣренности, что и одни и другіе стоятъ за одно и тоже, различно только ими понимаемое общее благо цѣлаго. Эти соображенія невольно навязываются при воспоминаніи о прошломъ годѣ и о томъ какъ зарябѣла волнами, конечно не очень большими, гладкая поверхность нашего озера или пруда нашей корпораціи. Въ ладьѣ по этому озеру плавающей, и изображаемой Совѣтомъ обнаружились трещины, она понабралась воды. Часть экипажа не изъ боязни, а потому что ее не послушали, хотѣла было вплавь искать берега, другая часть готовилась тоже не изъ боязни, броситься за первою въ воду, такъ себѣ просто для компаніи. Одинъ только помощникъ шкипера не тронулся съ мѣста. Правда, что обстоятельства были экстренныя, что ладья наткнулась неожиданно на такой опасный и ни на одной картѣ не обозначенный камень, какъ смерть и похороны Гамбетты. Вирочемъ до этого внезапнаго сотрясенія произошла въ ладьѣ течь. Оказалось, выражаясь словами Гамлета, что было что то гнилое въ датскомъ государствѣ, что требованія наши понизились, что мы дѣлались крайне мягки, уступчивы,

въ ущербъ нашей общей корпоративной чести. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ былъ нами и сегодняшній день выборовъ. Ладья была вновь осмотрѣна, испробована, законопачена, снабжена свѣжимъ вновь набраннымъ экипажемъ. Говоритъ нашъ экипажъ: счастливо оставаться! до свиданія за годъ, ровно за годъ, не передъ Рождествомъ, а послѣ Пасхи, когда поютъ жаворонки. Мы говоримъ экипажу: въ добрый путь-дорогу! прощайте, держите только высоко флагъ вашъ, флагъ нашей общей профессіональной чести. Не бѣда, когда вы будете взыскательны и строги, когда будете возбуждать только личныя неудовольствія подсудимыхъ, но вотъ бѣда, когда вы своимъ приговоромъ покажете, что вы хуже думаете о своей чести, чѣмъ корпорація и чѣмъ общество окружающее корпорацію и привыкшее судить о насъ по старой репутаціи, что мы стоимъ на высотѣ требованій бывшихъ нашихъ кормчихъ штурмановъ. И еще одинъ вамъ совѣтъ, господа, неробѣйте и смѣло откликайтесь, когда будутъ происходить кругомъ событія, въ которыхъ подобаетъ заявить себя гражданами и вообще европейцами. Не стѣсняйтесь соображеніями, что наше участіе въ общеевропейскихъ дѣлахъ не можетъ быть объясняемо или оправдываемо какою либо ссылкою на подходящія статьи учрежденія судебныхъ установленій. Не говорите: наша хата скраю — ничего не знаю — остальной міръ намъ ни почемъ, лишь бы намъ предоставили поѣдать травку на нашемъ лугу, лишь бы насъ не сгоняли съ нашего подножнаго корму, а то при выходѣ нашемъ за этотъ лугъ насъ прихлопнутъ. Эта политика была бы невѣрная. Россія прорѣзана струями другихъ западноевропейскихъ теченій. Одно изъ этихъ теченій идетъ по западно европейсяому каналу, именуемому судебными уставами, и открытому для плаванія въ 1866 г. (тому назадъ 17 лѣтъ). Сколько бы мы ни надѣлали иконъ и какъ бы мы ни наряжались въ армяки и зипуны, но по профессіи мы все таки не московиты, а европейцы. Каналы эти можно закрыть совсѣмъ и землею засыпать, какъ сдѣлано съ окрестностями Михайловскаго Замка, но это произойдетъ независимо отъ насъ и не за вѣнокъ умершему собрату иностранцу и не за нашу телеграмму, а просто потому, что всѣ сѣтки каналовъ можно засыпать. Мы уйдемъ вмѣстѣ съ городовымъ положеніемъ, съ присяжными засѣдателями, съ безцензурною прессою, съ тысячью другихъ благъ; да будемъ-же мы упразднены какъ люди безбоязненые и вольные, съ перьями на шляпахъ и

со шпагами, не покупавшіе существованія своею уступчивостью, не отдѣлявшіе себя отъ среды, отъ интересовъ общества и даже отъ общенія съ жизнью европейскою. Еще одинъ совѣтъ: живите мирно, не ссортесь, но если не втерпежъ вамъ будетъ плаваніе, лучше отстаивайте громко, что вы считаете правдою и кликнете кличь стоящимъ на берегахъ. Мы откликнемся и поспѣшимъ кличущихъ выручать. Есть у насъ въ корпораціи одно драгоцѣнное чувство, которое можно было повѣрить и испытать въ такомъ году какъ настоящій: горячее участіе въ общемъ дѣлѣ, хожденіе на общія собранія, не смотря на массу времени, которого они отъ насъ требуютъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что наша сила не только въ Совѣтѣ, но и въ насъ, что мы способны выручать Совѣты въ случаѣ надобности. Да здравствуетъ этотъ духъ единенія и да пропадетъ и погибнетъ сословный интеффереитизмъ, единственный опасный врагъ, притомъ врагъ не внѣшній, а чисто внутренній, который потому такъ опасенъ.

II. Обѣдъ 29 мая 1884 года.

Въ одной изъ своихъ наступательныхъ статей, изъ своихъ послѣднихъ кавалерійскихъ аттакъ, Катковъ сравнивалъ нашего министра Дмитрія Николаевича Набокова съ министромъ резидентомъ отъ судебнаго вѣдомства при императорскомъ правительствѣ въ С.-Петербургѣ. Если проводить далѣе туже идею Каткова и доискиваться государства въ государствѣ, то дойдешь до того, что и сословіе присяжныхъ повѣренныхъ петербургскихъ есть несомнѣнно внутри судебнаго вѣдомства особое государство, а избираемый вами Совѣтъ правительство этого государства, я же и мой товарищъ В. О. Люстигъ дипломатическіе агенты этого правительства при министерствѣ юстиціи. Какъ прикажете отнестись къ этой идеѣ? Мы испытали столько разочарованій, мы до того пессимисты, столько разъ то, что казалось намъ наиболѣе логичнымъ и наиболѣе реальнымъ превращалось на нашихъ глазахъ въ дымъ, въ мечту и игру воображенія, что мы перестали вѣрить самимъ себѣ и пріучаемся вѣрить Каткову. Этотъ зловѣщій старикъ, съ красными какъ у американскаго кондора ободками у почти бѣлыхъ глазъ, можетъ пережить меня, васъ и всѣ учрежденія и есть единственный великій человѣкъ не особенно важной впрочемъ эпохи, въ которой намъ посчастливилось жить. И такъ, господа товарищи, я перехожу по настоящему случаю на сторону Каткова, какъ перешли многіе, какъ перешелъ отчасти и Николай Андріановичъ Неклюдовъ. Я отрекаюсь отъ того что прежде думалъ, готовъ повторить то, что говорилъ солдатъ въ пѣсенкѣ Беранже: „brigadier, vous avez raison“ и полагаю, что мы маленькая держава въ маленькомъ государствѣ, которое существуетъ не самостоятельно но внутри еще болѣе крупнаго и уже наибольшаго государства.

Господа, неимовѣрно сладко разыгрывать хотя бы во снѣ или подъ хмѣлькомъ роль регента, хотя бы ne jure haereditario, или роль на условіяхъ выбора президента на 4 года какъ въ С.-Америкѣ, или на 7 какъ во Франціи, хотя бы то было въ республикѣ не больше Санъ Марино или небольше Черногорья. Когда разъигралось честолюбіе, то оно опьяняетъ; подымается какъ винные пары хвастовство не личное а собирательное. Чувствую что во мнѣ оно разъигралось. Случалось мнѣ одерживать ораторскія побѣды, одерживать авторскія побѣды, увѣряю васъ однако, что мнѣ милѣе и слаще то, что я осущаю въ этотъ моментъ въ нашей общественной клѣточкѣ. Въ средѣ вашей я чувствую то, чѣмъ восторгался Гёте во второй части своего Фауста:

Лишь тотъ свободный жизни властелинъ,
Кто дни свои въ борьбѣ проводитъ трудной.
Пускай въ борьбѣ ведетъ свой круглый годъ
Дитя и крѣпкій мужъ и старецъ хилый —
И предо мной возстанетъ съ чудной силой
Моя земля, свободный мой народъ.
Тогда скажу я: чудное мгновеніе,
Прекрасно ты! продлись, постой!
И не сотрутъ столѣтія безъ сомнѣнія
Слѣда оставленнаго мной!

Окинувшись въ нашу общественную среду, которая согласно этому отрывку Гёте verdient sich Freiheit und das Leben потому что täglich sie erobern muss, я испытываю то впечатлѣніе, которое имѣетъ человѣкъ, когда кругомъ буря, мятель, а онъ въ уютной избѣ и цѣлъ и живъ, авось продержится пока буранъ пройдетъ, отъ котораго стѣны трещатъ. Прижавшись тѣлами другъ къ дружкѣ мы подпираемъ стѣны нашей храмины. Мы любимъ наше званіе и не промѣняемъ его на шитые мундиры и звѣзды. Къ намъ почти идутъ стихи одной изъ лицейскихъ годовщинъ Пушкина:

Друзья мои! прекрасенъ нашъ союзъ,
Онъ какъ душа не раздѣлимъ и вѣченъ,
Не колебимъ, свободенъ и безпеченъ,
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.

Господа! я пью за здоровье нашего согласія, за то, что въ этомъ союзѣ честно, чисто, благородно и идеально; за культъ правды, за то чтобы между нами, которыхъ прозвали *софистами* XIX вѣка было больше правды, чѣмъ на прокурорскихъ или на судейскихъ мѣстахъ; чтобы мы помнили, что мы жрецы свободы слова, но не торгаши слова, что мы должны поддерживать этотъ священный огонь не какъ παѳоскія дѣвы, а какъ весталки; что идеалъ нашъ — искренность убѣжденій, а не актерство, которое выдаетъ ложъ за истину; что мы должны отстаивать это убѣжденіе и предъ лицомъ власти и предъ волнами враждебной ему толпы. Если на такихъ основаніяхъ будетъ держаться нашъ союзъ, то не одолѣютъ насъ враги, хотя бы на нашу утлую храмину направлены были всѣ громы краснорѣчія, всѣ заряды изъ священнаго писанія, изъ книги бытія или изъ экклезіаста. Я бы хотѣлъ однимъ или двумя словами выразить, что у меня на душѣ и чего если бы между нами не было, то можно бы сказать сословію: пропади, исчезай! Если бы я жилъ въ эпоху Руссо или даже Карамзина, я бы поднялъ тостъ: за добродѣтель! Если бы я былъ молодъ и жилъ еще въ годы гегеліанства, я бы привозгласилъ: за идею! Нынѣ мнѣ приходится поднять бокалъ за наисложнѣйшее и наипослѣднѣйшее изъ чувствъ — идей въ общественномъ быту: за справедливость, за ея тонкость и остроту, за нравственную брезгливость, которая не преподается никакими правилами и запретами, но которой довольно много въ нашемъ сословіи, что меня и обнадеживаетъ, что оно не пропадетъ.

12. Обѣдъ 27 апрѣля 1886 года.

Господа, я хочу вознаградить себя за то, что въ прошломъ году я ничего не говорилъ на годовомъ обѣдѣ. Когда Вамъ угодно было возложить на меня опять хлопотливую обязанность предсѣдателя совѣта, batonnier, адвокатскаго старосты, обязанность, которая далеко не такъ тяжела какъ шапка Мономаха, но и не бумажный колпакъ du roi d'Ivetot, то я подчинился безпрекословно вашей волѣ, хотя и имѣлъ право по моимъ лѣтамъ на чистую отставку. — Отъ васъ пріятно уходить, но пріятно также отлучившись на короткое время, опять возвращаться. Вступаютъ въ человѣка какъ бы новыя силы, воскресаютъ воспоминанія лучшихъ лѣтъ; таже среда, тѣже знакомыя любимыя и медленно мѣняющіяся лица, тотъ же корридоръ, тѣже стѣны пропитанныя преданіями. Бывали случаи что съ серебрянными значками со словами *законъ* на тонкой скважинѣ между столбомъ и короною подвизались одновременно отецъ и сынъ. Думаю что не рѣдко въ будущемъ будутъ подвизаться вмѣстѣ дѣдъ и внукъ, съ одинаковою изъ поколенія въ поколеніе передающеюся консервативнѣйшею любовью къ таинственному слову на серебряномъ значкѣ, какъ къ нашему религіозному символу, одушевленные также одинаковымъ стремленіемъ идти впередъ, стремиться къ лучшему, къ тому что excelsior, къ тому чему еще Пушкинъ далъ опредѣленіе. Онъ, какъ вы знаете, любилъ изобрѣтать и пускать въ ходъ новыя слова и жаловался на то, что одно изъ такихъ словъ не укореняется, не желаетъ какъ будто бы расти и цвѣсти на нашей почвѣ. Онъ совѣтовалъ вмѣсто *либеральный* употреблять прилагательное «*вольнолюбивый*». Духъ учрежденія не уходитъ изъ него никакъ, не вывѣтривается. Онъ сильнѣе косметическихъ эссенцій и мосхуса. Чтобы отъ него освободится

надо совсѣмъ разрушить старое и учредить новое, да и то незнаешь не пристанетъ ли къ новому что нибудь отдѣлившееся отъ прежняго старого. Сколько разъ не передѣлывали и не уродовали университетъ, а выходитъ что теперешніе новые синіе воротники по своимъ мыслямъ и чувствамъ въ большинствѣ не посрамлятъ и предшественниковъ своихъ безформенныхъ и отдаленнѣйшихъ своихъ предшественниковъ, тоже мундирныхъ, какими были мы сами. Намъ, какъ вы знаете, приказано было ходить въ мундирахъ, стричься подъ гребешокъ и носить на головахъ вороньи гнѣзда, именуемыя трехугольными шляпами.

Пользуюсь выраженіемъ Пушкина и говорю: вольнолюбцами мы родились, вольнолюбцами мы будемъ пока живетъ корпорація. Мы всѣ in corpore и каждый по одиночкѣ небудемъ возлагать поминальныхъ вѣнковъ на своихъ великихъ усопшихъ, коль скоро это воспрещено по случаю похоронъ Тургенева, памятуя слова Христа: оставьте мертымъ погребать мертвыхъ. Благо у насъ есть средство хранить въ сердцѣ живую память объ этихъ великихъ усопшихъ. Не наше дѣло посылать вѣнки Гамбеттѣ или Виктору Гюго; стыдно посылать вѣнки чужимъ богатырямъ, когда воспрещено молиться за своихъ собственныхъ. — Не будемъ мы участвовать въ политическихъ процессахъ, они почти совсѣмъ отъ суда изъяты; ни въ процессахъ печати, они также совсѣмъ отъ суда изъяты, но мы будемъ хлопотать по векселямъ и заемнымъ письмамъ, но мы будемъ ходить защищать кражи со взломомъ и убійства на судѣ съ присяжными, но мы будемъ осуществлять судебные уставы. Въ сухихъ словахъ, въ сухихъ статьяхъ будетъ все таки дышать и проявляться могучій духъ, которымъ проникнуты были судебные уставы въ моментъ ихъ зачатія. Если бы всѣ мы поголовно отъ судебныхъ уставовъ отступились и отреклись отъ нихъ, какъ Петръ отъ Христа у Пилата, то сама мертвая по видимому ихъ буква помимо живыхъ людей будетъ проводникомъ ихъ духа и посредникомъ между прошедшимъ отошедшимъ въ вѣчность великимъ поколѣніемъ дѣдовъ и болѣе счастливыми внуками, минуя недостойныхъ и отщепившихся отцовъ.

Но я далекъ отъ нареканій на наше поколеніе. Я не вижу признаковъ, по которымъ я бы могъ судить, что оно пало и выродилось. Мы тѣже что и прежде, измѣнилось лишь нѣчто внѣшнее, та окружающая атмосфера, та общественность, на могучихъ крыльяхъ которой

мы неслись съ быстротою кометы приближающейся къ солнцу, между тѣмъ какъ теперь темпъ или ритмъ движенія замедленъ, крылья какъ будто бы обрѣзаны, кровь какъ будто стынетъ и нѣтъ въ насъ прежней бодрости, мы начинаемъ хныкать и ныть. Въ этомъ нытьѣ, въ этомъ разкисаніи, въ этомъ taedium vitae заключается главная опасность настоящей минуты. Ему мы должны общими силами противовѣйствовать. Ему я посвящу нѣсколько словъ заключительныхъ.

Жизнь русская устроена такимъ образомъ, что у народа въ его молодомъ еще возрастѣ сильнѣе инстинктъ чѣмъ рефлексія, что онъ дѣйствуетъ болѣе по внезапному порыву, нежели по системѣ и съ выдержкою и что великъ онъ въ строю, но особы изъ коихъ состоитъ строй и мелки и слабы и неустойчивы. При сильномъ вѣяніи общественности они герои, но когда вѣяніе прекратилось они падаютъ и подвергаются удивительнѣйшимъ превращеніямъ. Таковы роковыя условія дѣйствительности, на нихъ роптать не слѣдуетъ, какъ не слѣдуетъ роптать и на то, что растенія зелены, что сводъ неба голубой. И то также можно признать, какъ законъ соціологическій въ примѣненіи къ Россіи, что линія жизненныхъ движеній Россіи волнообразная, съ весьма не симметричными подъемами и паденіями. Бываютъ короткіе, нѣсколько лѣтъ, много десятокъ продолжающіеся подъемы акціи, потомъ слабѣющей и смѣняющейся длинною нѣсколько десятковъ лѣтъ продолжающеюся реакціей. Въ прошломъ столѣтіи шла реакція съ 1725 и по 1764, другая реакція при Екатеринѣ II и Павлѣ отъ 1780 по 1801 г. потомъ было 30 лѣтъ реакціи при Николаѣ I съ 1825 по 1855. Когда попадешь въ счастливую пору реакціи и пробудешь въ ней нѣсколько лѣтъ, то и жди затѣмъ десятка два три, пока не послѣдуетъ ударъ лбомъ объ стѣну и затѣмъ уже наступитъ новый подъемъ общественности.

При такихъ роковыхъ условіяхъ громадной по размѣрамъ общественности, всякая ячейка есть часть общаго цѣлаго, но часть взаимнодѣйствующая; она подвергается дѣйствію извнѣ и сама по рефлексу воздѣйствуетъ на цѣлое. Въ эпоху акціи она должна быть однимъ изъ факторовъ этой общественной акціи, а въ эпоху реакціи она должна сопротивляться стѣсняющимъ ее внѣшнимъ вліяніямъ и сохранять по возможности остатки жизненной теплоты, стараться чтобы не быть сдавленною, заморенною, и изуродованною, что бы не выродиться и

не отойти отъ своего назначенія; она должна стараться не о томъ, чтобы прогрессировать, но только о томъ, чтобы себя отстоять.

Каждая жизненноспособная ячейка то и дѣлаетъ, а въ ихъ числѣ и наша. Я полагаю что наша политика воздѣйствія противъ разтлѣвающихъ вліяній съ извнѣ должна нынѣ сводиться къ тремъ главнымъ правиламъ, которыхъ приходится пуще всего держаться.

Первое правило. Полная племенная, національная и религіозная терпимость, не допущеніе въ нашу среду никакихъ этого рода междоусобій. Вспомните картину Рѣпина: бурлаки на Волгѣ. Тутъ есть и татары и евреи и цыганы и хохлы и великороссы. Никто другъ друга не попрекаетъ откуда онъ взятъ, кѣмъ рожденъ, лишь бы тянулъ лямку, лишь бы былъ старательнымъ работникомъ. Всѣ тутъ одинаковы, по этой одной мѣркѣ оцѣнивается каждый работникъ относительно того чего онъ стоитъ.

Второе правило. При соблюденіи полной терпимости этнографической должна быть установлена великая и строгая нетерпимость этическая. Мы должны высоко держать знамя профессіональной нашей чести. Это правило можетъ показаться избитымъ коммуналомъ, общимъ мѣстомъ. — Его можно точнѣе передать слѣдующими двумя положеніями: *а*) разборчивость въ выборѣ принимаемыхъ на себя дѣлъ и *б*) наибольшая деликатность и щепетильная брезгливость при изысканіи средствъ къ наживѣ. При выборѣ дѣлъ съ перваго взгляда бросается въ глаза глубокая разница между ординарною этикою бывшихъ ходоковъ и нашею профессіональною адвокатскою. Есть интересы въ данную минуту не популярные, а между тѣмъ вполнѣ законные. Присяжный повѣренный никогда не долженъ быть въ рабскомъ отношеніи къ общественному мнѣнію, лакействовать передъ этимъ мнѣніемъ. Идеаломъ для адвокатуры должно служить такое состояніе, когда самый непопулярный интересъ, насколько онъ законенъ, можетъ легко себѣ найти своего бойца; что касается до второго положенія то мы еще ни разу не ошиблись ставя самыя строгія требованія по части морали, и по части чистоплотности при выборѣ средствъ наживы. —

Третье правило. Небыть адвокатамъ филистерами, то есть только такими, которые хотя и безупречно исполняютъ свои профессіональныя обязанности, но пренебрегаютъ своими обязанностями корпоративными и корпораціею вовсе не интересуются, а напротивъ того

бѣгутъ отъ лямки и не тронутъ даже и пальцемъ барку, чтобы заставить её плыть. Этого филистерства мы сильно опасались особенно отъ того контингента, который къ намъ приходитъ отъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. На дѣлѣ оказывается, что наиболѣе филистерствуютъ тѣ наши собратія, которые къ намъ поступаютъ съ государственной службы. Еще одинъ совѣтъ, съ которымъ я обращаюсь ради возвышенія нашей адвокатуры. Ей бы слѣдовало посвящать больше силъ и досуговъ литературѣ, наукѣ, публицистикѣ. — Послѣднее мое слово: неподдавайтесь унынію и крѣпко стойте за хорошія преданія, поминайте добромъ и то двадцатилѣтіе въ теченіи котораго они выработались.

13. Обѣдъ 26 апрѣля 1887 года.

Достопочтенные товарищи! Я горжусь тѣмъ что содѣйствовалъ введенію съ 1873. года обычая говорить застольныя рѣчи на годовомъ товарищескомъ обѣдѣ. Но и бѣду на себя накликалъ тѣмъ большую. Теперь ко мнѣ обращаются всѣ съ понукою: ораторствуй, будь зеркаломъ, воспроизводящимъ въ сосредоточенномъ видѣ настоящій моментъ времени, будь толкователемъ нашихъ чувствъ въ этотъ моментъ, одушевляй, увлекай, доставь намъ наибольшее удовольствіе! Если бы подчиняясь этому приказу я попытался изобразить настроеніе среды въ настоящій моментъ, то удовольствія я бы вамъ не доставилъ, и долженъ бы запастись бо́льшимъ числомъ носовыхъ платковъ, чѣмъ то сколько ихъ носитъ В. Н. Герардъ (четыре или пять), потому что настоящее настроеніе-это упадокъ духа и нытье, пессимизмъ и хныканіе, отсутствіе всякихъ надеждъ, кромѣ однихъ только чисто личныхъ. Мы хуже средневѣковыхъ бароновъ издержались на крестовый походъ дунайскій, были жестоко обсчитаны на торжищѣ дипломатическомъ берлинскомъ, попали подъ податной пресъ, который выжимаетъ изъ насъ жизненные соки; мы загрубѣли и омужичились, мы такую китайскую стѣну воздвигли отъ запада нашими тарифами и паспортоми, мы такъ отравили источники школьнаго образованія классицизмомъ и всякими затѣями расчитанными на то, чтобы бѣдняку и простолюдину не дать учиться, мы умудрились самъ нашъ патріотизмъ сдѣлать чѣмъ то омерзительнымъ; столько безобразій совершается во имя твое святая родина, что мы дошли такъ сказать до чертиковъ, до геркулесовыхъ столбовъ, стукаемся лбомъ о невозможное и съ удивленіемъ видимъ, что эта стѣна раздается и что за нею есть еще другое

болѣе невозможное, которое вопреки здравому смыслу становится дѣйствительнымъ.

Если бы я на эту тему сталъ говорить, то до полуночи бы не кончилъ и ничему новому бы васъ не научилъ. Не хочу я заниматься этой современностью, бѣгу отъ нея и всячески хочу спасаться. Есть разные пути спасенія. Есть люди блаженные потому, что имѣютъ вѣру, я подчеркиваю: *вѣру религіозную*; они ищутъ смысла жизни внѣ земнаго бытія, рвутся туда гдѣ на облакахъ и на херувимахъ несется алмазный тронъ Господа Бога. Есть и менѣе счастливые лишенные этой вѣры, не помышляющіе о загробномъ; Богъ для нихъ это олицетвореніе чего то безсердечнаго, къ несчастью и горю нашему равнодушнаго. У кого нѣтъ религіозной вѣры, у того можетъ быть другое счастье: *метафизика*, философская иронія по отношенію къ царящей неправдѣ и отрицаніе настоящаго потому, что оно призракъ, потому что оно только кажущееся, а настоящее дѣйствительное — это тѣ свѣточи, которыхъ нѣтъ въ природѣ, которые только въ сознаніи нашемъ существуютъ, но которые побѣдятъ, хотя они только умственныя созданія или можетъ быть мечты воображенія: красота, правда и добро. Вы можетъ быть этой метафизики не понимаете, но я старый человѣкъ, учился еще у Гегеля, а чѣмъ раковина въ молодости своей питается, тѣмъ она и въ старости отдастъ . . . Въ моемъ метафизическомъ настроеніи я отрицаю, прежде всего, теперешній Берлинъ, желѣзнаго канцлера и тотъ сапогъ которымъ онъ придавилъ колѣнопреклоненную Европу съ Россіею включительно. Громче Седана былъ Аустерлицъ, важнѣе Берлинскаго конгресса было свиданіе на паромѣ въ Тильзитѣ, а какъ мало разстояніе отъ Тильзита до бѣгства изъ Москвы? Мы еще доживемъ можетъ быть до переправы чрезъ Березину. За тѣмъ я отрицаю чудовищный союзъ всякаго первосвященника, всякаго владыки душъ съ владыкого тѣлесъ, съ божествомъ найбольшей земной силы, съ лицомъ найболѣе подходящимъ подъ число апокалиптическаго звѣря 666. Я отрицаю еще и ту стальную щетину въ три или четыре миліона штыковъ, которыми себя потѣшаетъ старая и съ ума спятившая Европа . . . Призраки! призраки! хотя мы можетъ не доживемъ до тѣхъ аркадскихъ временъ »когда народы распри позабывъ — въ великую семью соединятся.« Я многое еще отрицаю, прогоняю какъ кошмары, всякую нетерпимость религіозную и національную

всякое рабство нравственное, всякую тираннію! Для меня безразлично что надо мною будутъ смѣяться люди довольные, люди положительные; пусть называютъ меня галлюцинатомъ, визіонеромъ. Ясновидѣніе и галлюцинація — вѣдь это понятія относительныя. Я убѣжденъ, что если бы нашлось побольше галлюцинатовъ, если бы они дѣйствовали рука въ руку, если бы они очутились въ извѣстномъ количествѣ въ маленькой, въ крошечной, хотя бы такой, какъ наше сословіе организаціи, а извѣстно что всякая организація есть могучая сила, то мы бы были способны осрамить этихъ людей положительныхъ и осуществить нашу метафизику, наши мечты воображенія. Сомкните же наши ряды, товарищи! учинимъ торжественное возліяніе за якобы несуществующее, а между тѣмъ единственно реальное, за то что одно даетъ цѣну жизни, за идеалы, за человѣчность, за правду, за добро! За возстановленіе той цѣпи преданій, которая васъ молодыхъ свяжетъ со слишкомъ забытымъ поколѣніемъ, изъ котораго я старикъ вышелъ, съ людьми сороковыхъ годовъ!

14. Обѣдъ 1888 года.

Господа товарищи! Не все что говорится правда, сказывается иногда и сказка. Строили однажды и выстроили пребольшущую мельницу, не на полъ міра, не на четверть міра, а такъ — на двадцатую часть населенной суши земного шара. Мельница должна была перемалывать на муку только хлѣбъ, только одно зерно; попадался ли щебень, булыжникъ, она его выкидывала. Чѣмъ мельница старше, тѣмъ она плоше мелетъ; обтираются жернова, наступаетъ пора, когда она и муку перемалываетъ съ трудомъ. Но та наша мельница о которой я говорю чѣмъ старше, тѣмъ тверже ея зубы, она изловчилась все перемалывать на муку: камень ли, желѣзо ли. Иногда она заупрямится и откажется проглотить одинъ разъ или другой, а въ третій разъ все пройдетъ и самъ камень обратится въ порошекъ, когда его поднесетъ такая упрямица какъ тифлиская или иная судебная палата.

А другія же наши мельницы не паровыя но водяныя, или вѣтряныя? какъ онѣ дѣйствуютъ? Я не говорю о личныхъ злоупотребленіяхъ съ которыми боролось наше законадательство еще со временъ Алексѣя Михайловича, о посулахъ или взяткахъ, о фаворитизмѣ. Говорю о тѣхъ обыденныхъ неправдахъ, которыя чинятся потому что таково уже времячко подоспѣло; о томъ, что независимо отъ существа дѣла и caeteris paribus, я напередъ знаю, что проиграю его не потому, чтобы я былъ неправъ или что бы представленный мною интересъ не былъ крупный, но потому что мой противникъ крупное лицо, что дѣйствіе происходитъ на глазахъ въ области бывшей невидящею, а теперь снявшей съ себя повязку Ѳемиды. И на водахъ прѣсныхъ и на водахъ морскихъ постоянно бываетъ, что мелкую рыбку съѣстъ щука или акула, а эту щуку или акулу проглотитъ болѣе крупное созданіе. Трудно бороться

противъ акціонернаго общества, особенно если доходность его гарантирована правительствомъ, за него стоятъ всѣ министры. Мнѣ грозитъ несомнѣнное пораженіе, если я имѣю тяжбу съ городомъ, но если мой противникъ казна, то я погибъ; объ этотъ мѣдный горшекъ всякій глиняный разобеться, не потому что за нимъ законъ, но, за нимъ сила, за нимъ министръ юстиціи. Судамъ внушено свыше: законъ вашъ есть распоряженіе Генералъ-Губернатора; дурной судья и дурной подданный, кто изъ кожи не лѣзетъ содѣйствовать видамъ правительства; онъ не только долженъ содѣйствовать, но и угадывать и предупреждать, иначе его смѣнятъ и ушлютъ куда Макаръ телятъ не гонялъ. Попробуйте отстаивать какіе угодно принципы передъ такими юридическими чудовищами, какъ законы 10 декабря 1865 или 27 декабря 1884 года. Въ этомъ обществѣ нашемъ восточнаго покроя, которое такъ мало интересуется тѣмъ, что западная полоса государства уже 25 лѣтъ находится на исключительномъ положеніи, котораго упраздненіе и непредвидится, въ этомъ обществѣ употребляющемъ языкъ и вѣру какъ средства политическаго нажима, въ которомъ всюду дворянскія затѣи, а народное образованіе устроено такъ, чтобы быть доступно только наименьшему числу зажиточныхъ людей, составляются, говорятъ доморощенными Солонами и Ликургами, уложенія гражданское и уголовное, которыя того и гляди будутъ утверждены и обнародованы. Не вѣрю я тому, не вѣрю.

Мнѣ эти опыты представляются въ такомъ видѣ. Въ котелъ бросили куски желѣза, мѣди, золота, чугуна, — за тѣмъ трясутъ котелъ изо всѣхъ силъ. Выходитъ стукъ, звонъ, а сплава металловъ нѣтъ какъ нѣтъ, потому что для сплава нужна высокая температура, оживленіе идеями, подъемъ духа, условія, — которыя могли бы измѣнитъ насъ до неузнаваемости, примирить всѣхъ, создать во внутреннихъ дѣлахъ извѣстный modus vivendi и возвратить намъ и во внѣшнихъ утраченный престижъ, помочь намъ выйдти изъ того изолированнаго положенія, въ которое насъ поставила такъ называемая тройная лига мира.

Доходятъ до насъ еще слухи, что насъ адвокатовъ поднимутъ, облагодѣтельствуютъ, заведутъ вездѣ Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, установятъ комплектъ и будемъ мы точно въ раю обѣщанномъ намъ судебными уставами. Не вѣрьте, господа, не вѣрьте: будутъ послѣднія горше первыхъ. Ничто не дается даромъ, а только donnant don-

nant. Насъ въ нашемъ самоуправленіи съ выборами такъ обрѣжутъ, такъ низко кланятся заставятъ за всякую подачку, что право лучше оставаться при старомъ, при 23-й годъ существующей формочкѣ. Timeo danaos et dona ferentes. Не трогайте только насъ и забудьте. Насъ и безъ того могутъ упразднить. Дѣйствительно, какъ насъ не любитъ наша теперешная магистратура! Раза два мы пробовали окрыситься, но пошли на насъ представленія министру юстиціи. Оказалось что наши жалобы ни къ чему не повели и канули въ вѣчность. Все, на чемъ положена властная рука, мертвѣетъ. Во что обратился нотаріатъ, вслѣдствіе отсутствія корпоративнаго совѣта и организаціи? Поднимаю тостъ за единство, согласіе, связь Совѣта съ общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ, за живое участіе всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ въ общихъ собраніяхъ! Еще одно пожеланіе. Вы знаете какъ полезенъ для нашаго сословія былъ трудъ печатный К. К. Арсеньева. Могу сообщить, что готовится другой трудъ, какъ бы продолженіе сочиненія Арсеньева. Этой новой объемистой работѣ посвящаетъ себя уже нѣсколько лѣтъ Павелъ Васильевичъ Макалинскій.

15. Обѣдъ 30 апрѣля 1889 года.

Полгода не хватаетъ до годовщины 25-лѣтія судебныхъ уставовъ вступившихъ уже въ 24-ый годъ своего существованія. Но нѣкоторые изъ насъ, а въ томъ числѣ и я, мы служили судебному дѣлу и подготовляли реформу, какъ члены редакціонныхъ комиссій, какъ преподаватели права. Еслибы обозрѣть итоги судебной реформы за эту четверть вѣка и вообще итоги всѣхъ реформъ, то окажется, что мы недалеки отъ несостоятельности и что чѣмъ позднѣе была такая реформа, тѣмъ меньше отъ нея осталось. Отъ затѣй благороднаго армянина, скончавшагося въ истекшемъ 1888 году не сохранилось почти ничего, земство такъ и не введено въ половину Россіи, судебная реформа вводилась медленно и клочками, съ особенностями, которыя ее подрывали. Не всѣ части Россіи оказались одинаково способными къ воспріятію ея по пестрому этнографическому составу населенія. Вводились якобы судебные уставы, но собственно не они, а нѣчто хуже ихъ. Теперь эти отступленія превращаются въ общее начало, водворяемое и въ цѣломъ при его отступательномъ движеніи. Мы можемъ потерять выборныхъ мировыхъ судей, можетъ быть и всякихъ мировыхъ судей, можетъ быть и присяжныхъ засѣдателей. Совѣты нашей корпораціи единая пока твердыня. Они исключеніе, а общее правило безсовѣтность. Можетъ быть и эти Совѣты будутъ упразднены. Въ теченіе 25 лѣтъ что не далось устроить по независѣвшимъ отъ воли Совѣтовъ обстоятельствамъ, то и останется неустроеннымъ, напримѣръ сословіе помощниковъ пр. повѣренныхъ. Намъ приходится порою быть акробатами, держать балансъ на натянутомъ канатѣ, быть оппортюнистами не на то, чтобы развиваться, но для того только чтобы держаться на достигнутой высотѣ и кое какъ пронести неума-

леннымъ то, что мы получили до нашихъ преемниковъ. Такова наша внѣшняя политика. Никто не можетъ поручиться, что не найдетъ на насъ нечаемый шквалъ, который насъ опрокинетъ и унесетъ. Но мы должны быть послѣдовательны и тверды покрайней мѣрѣ въ нашей внутренней политикѣ, въ этомъ братствѣ, которому мы обязаны, что у насъ небыло домашней вражди, семейныхъ раздоровъ. Каковы бы не были увлеченія шовинизма, наше сословіе было magnum asylum для всѣхъ расъ и народностей. Теперь и это единство пропадаетъ, цѣлое разкалывается. Есть обстоятельство которое мутитъ и тревожитъ. Этотъ ферментъ въ чемъ заключается, вы знаете. Считаю долгомъ поговорить о немъ прямо, вызвать всѣхъ на откровенность, я удаляющійся отъ дѣлъ совѣтскихъ, и непринимающій уже участія въ распорядительной дѣятельности нашихъ консуловъ и нашего сената.

Ближайшимъ поводомъ къ возбужденію у насъ еврейскаго вопроса были цифры нашего прошлогоднаго отчета. Въ общемъ собраніи 16-го апрѣля сего года намъ сдѣланъ упрекъ г. Башиловымъ по чему мы поставили въ отчетѣ эти цифры? А если мы ихъ поставили, то почему мы непріняли мѣръ къ предупрежденію или отвращенію указываемаго нами зла? И для насъ эти цифры были сюрпризомъ. Мы помѣстили ихъ потому, что считали бы грѣхомъ ихъ отъ васъ скрывать. Мѣръ мы не предлагали потому, что онѣ отъ насъ не зависятъ; мы не частное учрежденіе, а государственное. Мы какъ Совѣтъ, не можемъ не допускать въ корпорацію всѣхъ незапятнанныхъ, безупречныхъ людей, какой бы они вѣры или національности не были. Указаніе опасности съ обозначіемъ ея качества ведетъ къ тому, чтобы общими силами не однаго Совѣта, а цѣлаго сословія принять соотвѣтствующія мѣры, обдумать ихъ и провести въ дѣйствіе, безъ всякаго обращенія къ правительству съ ходатайствомъ объ установленіи для поступающихъ, извѣстнаго процента. Повѣрьте мнѣ какъ поляку, слѣдовательно какъ страдающему отъ всякаго устанавливаемаго процента и считающаго такой процентъ жестокимъ притѣсненіемъ. Опасность отъ еврейства не въ корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ; цифра евреевъ въ общемъ итогѣ растетъ, но медленно, съ 17 % въ 1885 году она дошла теперь до 21 %. Я полагаю, что въ ближайшемъ будущемъ, она еще не вызываетъ особенныхъ заботъ, но цифра помощниковъ — that is the question, *це заковыка*,

какъ гласитъ малороссійскій переводъ Гамлета. На каждый десятокъ поступающихъ теперь 7 евреевъ. Чрезъ годъ ихъ число превыситъ число русскихъ, а чрезъ 2 года онъ будетъ больше чѣмъ совокупность другихъ исповѣданій. Такъ какъ помощники разсадникъ адвокатуры, то въ будущемъ, лѣтъ чрезъ 10, 20 или 50 еврейство превышать будетъ 50% въ составѣ нашей Петербургской адвокатуры.

Прямолинейная логика можетъ сказать: вамъ что за дѣло до роста одной разновидности въ сравненіи съ другими? Я этой логики признать не могу. Мы имѣемъ дѣло съ колоссальною задачею, не разрѣшимою по правиламъ шаблоннаго либерализма. Для меня существуютъ два положенія: 1) одно высказано остроумнѣйшимъ евреемъ: всякая страна имѣетъ такихъ евреевъ, какихъ она заслуживаетъ имѣть. Несправедливость цѣлыхъ сотенъ поколѣній и вѣковъ наложила свою печать и на расу, печать еще не сглаженную, что доказываютъ антисемитическія движенія даже въ странахъ давно признавшихъ равноправность евреевъ въ гражданскомъ и въ политическомъ отношеніяхъ. 2) Намъ необходимо нашихъ евреевъ не только проглотить, но и переварить. Способъ этотъ намъ полякамъ извѣстенъ; въ царствѣ польскомъ онъ осуществленъ реформами маркиза Вѣлёпольскаго. Оба вышеупомянутыя условія имѣются на лицо только въ счастливыя минуты взаимнаго сближенія расъ и національностей при высокой температурѣ чувствъ взаимнаго сближающихся расъ, какъ то имѣло мѣсто въ ц. польскомъ въ 1861 году. Внѣ этихъ условій ассимиляція можетъ быть только частичная, поглощаться будутъ самыя интелигентныя особи изъ евреевъ. О нихъ и забудутъ какой они расы, они вездѣ были бы украшеніемъ. Я полагаю что и въ эпохи жесточайшей реакціи могутъ быть нами дѣлаемы такія цѣнныя пріобрѣтенія. Къ числу моихъ сердечныхъ друзей принадлежалъ ветхозавѣтный полякъ, одинъ изъ лучшихъ польскихъ патріотовъ Іаковъ Натансонъ, профессоръ химіи варшавскаго университета, преждевременно къ сожалѣнію умершій.

Въ епохи реакціи и отрицательнаго отношенія общества къ людямъ другой національности и расы, отношенія междурасовыя не могутъ улучшаться, нужно стараться чтобы они не портились. Тогда умѣстенъ здравый и трезвый консерватизмъ. Консерватизму нечего опасаться, когда постепеннымъ приростомъ увеличивается контингентъ на нѣсколько лицъ, даже на цѣлые проценты, напримѣръ приростъ

здѣшнихъ поляковъ, здѣшнихъ нѣмцевъ и даже всевозможныхъ балтійскихъ нѣмцевъ по подчиненіи С.-Петербургской палатѣ балтійскихъ провинцій. Но если вслѣдствіе искуственнаго наплыва иноплеменниковъ измѣнится совсѣмъ составъ среды, въ которой я поставленъ и которую я отстаиваю какъ мою среду естественную, въ которой я обрѣтаюсь какъ въ моемъ соку, когда она по преобладающему тону есть напримѣръ русская, не смотря на всѣ примѣси, польскую, нѣмецкую и даже еврейскую. Если эта среда можетъ превратиться изъ русской въ еврейскую то я обязанъ озаботиться, чтобы она не была въ такомъ смыслѣ измѣнена. Я долженъ о томъ постараться не съ моей личной точки зрѣнія, а съ болѣе возвышенной, общественной. Я бы отстаивалъ это противодѣйствіе внезапному наплыву евреевъ съ точки зрѣнія пользы самихъ евреевъ. Была хорошая корпорація, она была magnum asylum и для васъ. Коль скоро вы ее переполните, государство можетъ этого не потерпѣть и отмѣнить не корпорацію, а Совѣтъ. Не открыты же по этой только причинѣ Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ въ Одессѣ. Und das Kind wird mit dem Bade ausgeschüttet.

Вамъ самимъ нѣтъ отъ того пользы, если расплодится ужасающій пролетаріатъ изъ голодныхъ людей вырывающихъ себѣ взаимно изортовъ мелкіе кусочки. Сдѣлайте тоже, что мы поляки дѣлаемъ и въ печати и въ жизни. Мы направляемъ наше молодое поколеніе не въ юридическіе факультеты, а въ среднія и реальныя училища, тамъ они должны дѣйствовать не покидая по возможности родной почвы. У васъ нѣтъ родной почвы, вы раса; постарайтесь что бы ваше поколеніе готовилось къ полезной дѣятельности на тѣхъ поприщахъ, которыя никакой государственный законъ не можетъ вамъ закрыть. Какъ уменьшить приливъ въ помощники адвокатскаго пролетаріата? Процентомъ ли по назначенію правительства? Я противъ этого способа. Постановленіемъ ли Совѣта? Совѣтъ — ваша исполнительная и судебная власть — не болѣе. Ставить общія нормы можетъ не Совѣтъ, а только общее собраніе пр. повѣренныхъ. Если оно не возьмется за это дѣло, то грозитъ назначеніе процента правительствомъ или пожалуй отнятіе у насъ Совѣта. По постановленіи общаго собранія снабженъ Совѣтъ властью надзора и устраненія ненадежныхъ кандидатовъ въ адвокаты, но безъ разбора вѣроисповѣданіи (пост. общ. собр. 1885 г.), но это постановленіе недостаточно.

Сила обстоятельствъ выдвигаетъ теперь среди корпораціи національные и расовые кружки. Надо этимъ воспользоваться, надо подготовить общее собраніе осеннее. Я бы желалъ, чтобы у насъ высказались національные кружки; я самъ буду дѣйствовать въ моемъ національномъ и предлагаю мои услуги всякому русскому кружку, если онъ меня пригласитъ на совѣщанія. Я бы желалъ чтобы былъ не только выслушанъ, но приглашенъ высказаться еврейскій кружокъ; если онъ не поможетъ въ этомъ дѣлѣ, то всѣ намѣренія помочь злу общими средствами корпораціи едвали помогутъ, и упадетъ на насъ дамокловъ мечь правительственнаго ограничивающаго пріемъ процента. Вопросъ головоломный и труднорѣшимый. Мы можемъ сильно пострадать, если его не разрѣшимъ; разрѣшить же мы его можемъ только въ духѣ мира и радѣнія всѣхъ объ общемъ благѣ корпораціи, держа въ рукахъ классическую оливковую вѣтку. За мирное и безобидное для всѣхъ рѣшеніе насъ угнетающаго теперь вопроса!

16. Обѣдъ 29 апрѣля 1890 года.

Господа товарищи, мы имѣемъ уже существованіе въ четверть вѣка, мы имѣемъ и будущее и какъ двулицый римскій богъ Янусъ можемъ смотрѣть и впередъ и назадъ. Начатки наши были маленькіе, общій составъ: три до четырехъ десятковъ человѣкъ, Совѣтъ изъ 7 членовъ; всего 3 губерніи, около 4 тысячь миль и $3^1/_2$ милліона жителей: таковъ былъ раіонъ нашей дѣятельности при С.-Петербургской судебной палатѣ. Теперь 12 человѣкъ въ Совѣтѣ, корпорація изъ 373 членовъ, 7 губерній, $6^1/_2$ тысячь миль и $7^1/_2$ милліоновъ населенія. Нѣтъ еще и полгода какъ къ намъ примкнуло 73 человѣка коллеговъ Балтовъ, весьма культурныхъ людей, коверкающихъ русскій языкъ; но они къ нему попривыкнутъ. У насъ съ ними общіе корпоративные интересы, которыхъ они по новости дѣла еще не понимаютъ. Мнѣ жаль, что никого изъ нихъ здѣсь нѣтъ; я пью за ихъ здоровье, за сближеніе съ ними отношеній, которое лежитъ на обязанности новаго Совѣта. Вопросъ важенъ какъ съ ними устроиться, вотъ о чемъ я и поведу бесѣду. По 366 ст. учрежд. суд. установленій въ Ригѣ, Митавѣ и Ревелѣ могли бы быть учреждены три отдѣленія Совѣта съ большими или меньшими правами и функціями, но вы знаете что по правительственному распоряженію дѣйствіе 366 ст. пріостановлено. Создать отдѣленія Совѣта мы не въ правѣ, но мы можемъ создать въ этихъ трехъ пунктахъ, а со временемъ и въ Либавѣ испольнительные и совѣщательные органы нашего Совѣта: а) для надзора за помощниками; б) для дачи заключеній о просящихся въ члены корпораціи кандидатахъ и в) для производства дознаній по дѣламъ дисциплинарнымъ и понужденія членовъ корпораціи къ дачѣ требуемыхъ отъ нихъ объясненій? Наши отношенія къ братьямъ Балтамъ должны быть упоря-

дочены и съ финансовой стороны. Часть слѣдующихъ съ нихъ взносовъ должна идти на содержаніе мѣстныхъ канцелярій, библіотекъ, мѣстныхъ кассъ пособій, которой мы бы могли на первый разъ передать малую толику изъ нашего общаго фонда благотворительности. Такія отношенія устанавливаются не иначе, какъ съ общаго согласія и власть имѣющихъ и управляемыхъ. Нельзя ждать пока они сами что нибудь предложатъ. Надо было бы упросить нашего предсѣдателя, который самъ принадлежитъ къ той же культурной націи, чтобы онъ поѣхалъ и обдѣлалъ это дѣло brüderschaftlich, а можетъ быть ему будетъ сопутствовать другой какой нибудь членъ Совѣта. Я думаю что поступая такимъ образомъ мы будемъ достойно вершить государственное дѣло, цементируя его обоюдно полезными соглашеніями. Послѣ тоста за нашихъ братьевъ Балтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, тостъ за старшую братью, я предлагаю еще другой тостъ за нашу меньшую братью, за нашихъ стажіеровъ, при чемъ я не различаю состоятъ ли они или не состоятъ нашими фактическими помощниками. Я отстаиваю мнѣніе, раздѣляемое не всѣми и даже противное мнѣнію большинства Совѣта. Я не могу видѣть въ помощникахъ нѣчто въ родѣ подмастерьевъ въ цехахъ, а смотрю на нихъ какъ на свободную и независимую хотя и контролируемую нами профессію.

17. Обѣдъ 28 апрѣля 1891 года.

Господа товарищи! Одинъ злой и желчный критикъ Скабичевскій, въ своей исторіи новѣйшей русской литературы, съ пренебреженіемъ отнесся къ одному обезсмертившему себя въ послѣдніе года Николая 1-го поэту, незабвенному Кузьмѣ Пруткову. У этого поэта есть одно геніальное изреченіе: когда идешь около фонтана, то заткни его потому, что и фонтану слѣдуетъ отдохнуть (не ручаюсь за вѣрность передачи потому, что я пишу на память, а не по книгѣ). Я самъ и есть долженствующій отдохнуть фонтанъ рѣчей, какъ нашъ товарищъ Евгеній Утинъ есть фонтанъ адресовъ и ихъ публичный на всякіе случаи писатель. Вспомнили бы вы господа, что еще пасхальная недѣля не кончилась и отпустили бы насъ вѣчныхъ работниковъ по языку и перу пройтись по балаганамъ, да выбрали бы вы еще нѣсколько другихъ болѣе молодыхъ представителей адвокатскаго краснорѣчія.

Таковы были мысли, съ которыми я отправился въ сегодняшнее собраніе, но среда — великое дѣло, громада — большой человѣкъ по выраженію малороссовъ, она васъ перевернетъ и по своему передѣлаетъ. Она кой кого и передѣлала; могу привести тому примѣры. Помните, на пашихъ обѣдахъ былъ одинъ молчальникъ, нашъ Мольтке, заявлявшій что онъ неспособенъ произносить застольныя рѣчи, но великій мастеръ, стратегъ и тактикъ въ судебныхъ рѣчахъ — вы узнали конечно Павла Антиповича Потѣхина. Къ великому моему изумленію Потѣхинъ разрѣшился прекрасною застольною рѣчью 11 дней тому назадъ. Смѣю думать, что тому не конецъ и готовлюсь его нынѣ слушать; я расчитываю еще на наше молодое поколеніе, въ которомъ есть и талантливые и словоохотливые, которые въ карманъ за словами не полѣзутъ. Что касается до меня, то я испытываю гнетъ укоренив-

шейся привычки. Вы знаете сказку волшебной флейты заставляющей плясать до упаду всѣхъ, кого она звукомъ своимъ заворожила. На меня такое же впечатлѣніе производитъ гулъ смѣшанный со звуками ножей и вилокъ: я готовъ говорить до упаду; умирать буду, а приду и свое слово сказать, даже и тогда, когда слушать будетъ мало охотниковъ, и ни отъ кого не послѣдуетъ принуки. Я скажу свою рѣчь обязательную, поддерживающую наше единеніе и способствующую поддержанію у насъ добрыхъ нравовъ.

Рѣчь моя будетъ отличаться тѣмъ лаконизмомъ, который К. К. Арсеньевъ открылъ въ рѣчахъ нашего талантливаго собрата Сергѣя Аркадьевича Андреевскаго. Она можетъ быть и не будетъ проникнута тою художественностью, которая у Андреевскаго струится изъ устъ, искрится и блещетъ. Она будетъ посвящена матеріямъ болѣе существеннымъ и важнымъ. Напоминаю, что мы прожили еще одинъ годъ. Въ прошломъ году на такомъ же точно обѣдѣ мы дожидались, чтобы выпить не изъ тѣхъ тонкихъ рюмочекъ, а изъ полныхъ чашъ, вмѣщающихъ если не ведра, то сороковки, не кисленькаго шампанскаго, а того меду, который сытился въ прошломъ году и на работы по производству котораго были командированы Совѣтомъ трое изъ его членовъ. — Я всегда скептически относился къ быту и наслажденіямъ Олимпійцевъ, къ гомеровскому прославленію нектара и амвросіи, которыми они питаются. Я былъ убѣжденъ, что мы можемъ обходиться безъ нектара и амвросіи, довольствуясь скромнымъ брашномъ и пивомъ. Я до сихъ поръ предубѣжденъ, что этотъ медъ, который намъ готовится, не обойдется безъ капли дегтю; безъ этого дегтю ничто не обходится по нашему времени. Во всякомъ случаѣ новый сытящійся медъ, то есть готовящееся положеніе о присяжныхъ повѣренныхъ значительно укрѣпило бы въ оффиціальныхъ сферахъ наше значеніе. Оно бы принесло пользу не только нашей корпораціи, но всему судебному дѣлу. Оно доказало бы, что есть люди, поставленные у самаго руля, которые одобряютъ и нашъ весьма откровенный образъ дѣйствій и наши усилія. И такъ: за успѣхъ и за осуществленіе этихъ законодательныхъ работъ!

Выскажу мою мысль на прямикъ. Вспоминаю одну изъ лирикъ В. Гюго: Si j'étais roi je donnerais l'empire . . . Si j'étais dieu je donnerais le monde — pour un régard de toi; pour un baiser

de toi. Я бы охотно пожертвовалъ всѣмъ положеніемъ о присяжныхъ повѣренныхъ и всѣми благами, которыя оно можетъ принести за одинъ лучь свѣта въ окружающей насъ кромѣшной темнотѣ, за одинъ шагъ впередъ а не назадъ, а то taedet vivere, тоска жить.

Дай то Богъ намъ дожить еще до первыхъ предвѣстниковъ занимающагося разсвѣта послѣ полуночи, которая чуть чуть пробита была на часахъ!

18. Обѣдъ 3 мая 1892 года.

Господа товарищи, поставщикъ послѣвыборныхъ застольныхъ рѣчей является сконфуженный съ пустыми руками. Онъ въ передержкѣ, онъ израсходовался, столько было въ прошломъ году обязательныхъ тостовъ за сословіе, за судебные учрежденія, за многочисленныхъ безъ счета юбиляровъ, которыхъ мы однаго не достаточно почтили по мнѣнію Ник. Плат. Корабчевскаго, столько чтеній неголодающихъ въ пользу голодающихъ, что въ концѣ концевъ не хватаетъ мыслей въ головѣ, словъ на языкѣ и чернилъ. Правду сказать, вы сами, какъ корпорація, виноваты въ моемъ оскуденіи, въ израсходованіи моего оборотнаго капитала. Огонь необходится безъ дровъ, вдохновленіе безъ вдохновляющаго предмета. Чѣмъ же могли мы вдохновиться? Какой найти высокоэтическій сюжетъ для пѣснопѣнія? Спрашиваю васъ: былъ ли между вами хотя одинъ такой членъ совѣта, который бы прихватилъ чужихъ денегъ на полтораста тысячь рублей и ускакалъ на луну или въ Аргентинскую республику? — Былъ ли у васъ другой такой, который бы созидалъ силою воображенія и потомъ закладывалъ небывалыя въ дѣйствительности имѣнія и пускалъ ихъ въ коммерческій оборотъ? Нѣтъ у насъ и нотаріальной конторы общеизвѣстной адвокатскому міру по тонкости своихъ сдѣлокъ, какъ та, о которой временномъ или совершенномъ закрытіи телеграфируемо было въ газетахъ. Не было у насъ и общихъ собраній присяжныхъ повѣренныхъ, которыя бы не состоялись за неприбытіемъ на выборы предустановленнаго числа избирателей. Не было и внутренней борьбы которая бы напомнила или борьбу Монтаньяровъ съ Жирондистами или побѣду 9го Термидора либеральныхъ началъ надъ революціонными. И неустроились мы такъ, чтобы и помощники были всѣ не только

новоизобрѣтенные фактическіе, но и послушные, безопасные, никакой конкуренціи патронамъ не дѣлающіе. — У насъ бываетъ только слабое подобіе оппозиціи, соберутся въ день предшествующій выборамъ, выслушаютъ оппозицію, похлопаютъ ораторамъ разносящимъ Совѣтъ, а въ слѣдующее воскресеніе глянь — Совѣтъ выбранъ весь опять въ прежнемъ составѣ и никогда не бываетъ, чтобы старый составъ сплошь вымели, и на мѣсто его другой посадили.

Скажу вамъ откровенно: темпераментъ у васъ не прогрессивный. Не надоѣло вамъ твердить: судебные уставы, да судебные уставы. — Вѣдь всѣ люди покинули судебные уставы, никто ими не интересуется кромѣ одного старика — и то москвича — Джаншіева, который изображаетъ изъ себя не то лермонтовскаго пророка, не то плачущаго Іеремію въ плѣну вавилонскомъ. Пророкъ то онъ пророкъ, но ветхозавѣтный. Мнѣ представляется что и мы съ вами люди ветхозавѣтные, живущіе больше по старинѣ и норовящіе просто на просто вернуться къ старымъ порядкамъ. Есть поговорка: съ волками жить по волчьи выть. Я съ вами будучи подношу вамъ слѣдующій тостъ: да здраствуютъ судебные уставы! да возстановятся они очищенные отъ позднѣйшихъ налетовъ! да здравствуютъ они со всѣми коренными ихъ идеями: судомъ присяжныхъ, выборною мировою юстиціею! Авось наступитъ когда нибудь такая минута, когда будутъ возстановлены судебные уставы императора Александра II! — Будемъ надѣяться, постоимъ за нихъ и потерпимъ. —

19. Обѣдъ 30 мая 1895 года.

Милые друзья-товарищи! Восемь дней съ 16 числа воскресенія по 23 воскресеніе бушевали волны не на морѣ и не на Ладожскомъ озерѣ, а здѣсь въ собраніяхъ присяжныхъ повѣренныхъ, по такъ называемому *Птицынскому* дѣлу или случаю. Нынѣ опять тишь и гладь и божія благодать и дѣло Птицына отодвинулось вдаль, стало совершившимся фактомъ. Позвольте мнѣ, господа, не возобновляя надоѣвшихъ всѣмъ споровъ и относясь къ дѣлу объективно, поставить на немъ въ нашей исторіи *поминальный* столбикъ. Для меня лично это воспоминаніе свѣтлое, оно наглядно доказало, что наше сословіе не изображаетъ собою медвѣдя во время зимней спячки, что оно отзывчиво, что въ немъ есть страсти, что борьба мнѣній ведется искренно, прямо и честно и что противники не перестаютъ быть друзьями, что неправда, когда говорятъ что есть какой то антагонизмъ въ Совѣтѣ и когда А. говоритъ бѣлое, то Б. непремѣнно черное и на оборотъ.

Но этого мало. При всей моей дружбѣ съ почтенными противниками, не могу не заявить, что это воспоминаніе не только для меня, но и для сословія будетъ свѣтлое и *славное*, что мы будемъ гордиться, что мы это рѣшеніе хотя и не единогласно провели. Едва ли кто могъ бы оспаривать то, что противное нашему рѣшеніе никогда бы въ палатѣ не прошло, его бы непремѣнно опротестовалъ прокуроръ, оно бы провалилось съ шумомъ и трескомъ, такъ какъ насъ не любятъ. Такъ бы мы и были поруганы. Мы привыкли къ тому, что палата отмѣняетъ наши постановленія. Мы привыкли утѣшать себя такъ, какъ утѣшались римляне: victrix causa diis placuit, sed victa Catoni. Мы спокойны когда знаемъ, что за насъ общественное мнѣніе, но этой увѣренности у насъ бы не было; наше рѣшеніе имѣло

бы противъ себя всю современную прессу и даже всю печать. Я не низкопоклонничаю предъ прессою; я напомню Владиміру Николаевичу (Герарду), что на одномъ изъ нашихъ обѣдовъ, я въ пику Евгенію Маркову, провозгласилъ такой тостъ: «прелюбодѣй мысли пьетъ за здоровье софистовъ XIX вѣка», чѣмъ я хотѣлъ выразить, что софисты могутъ быть и не въ нашемъ сословіи, что они можетъ быть больше внѣ насъ, нежели въ нашей средѣ. Бѣда бы была въ томъ, и это главное, если бы мы сами съ собою не были въ порядкѣ, если бы мы отступили отъ нашихъ принциповъ, отъ нашихъ преданій, отъ духа нашего учрежденія съ самаго его основанія. На насъ нападалъ Птицынъ словомъ, и не простымъ, а печатнымъ. Бывали уже подобныя нападенія; мы часто отмалчивались. Не отвѣчали мы даже на слова Евгенія Маркова. Вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ слову, а въ крайнемъ случаѣ къ суду, мы бы воспользывались случаемъ, что по отношенію къ Птицыну, и только къ одному Птицыну, у насъ есть палка, и что этою палкою можно его вздуть. Этотъ самосудъ оправдывается тѣмъ, что Птицынъ состоитъ въ особомъ положеніи относительно корпораціи, что въ нее проникъ и знаетъ ея тайны, что ему, какъ присяжному повѣренному, скорѣе повѣрятъ, чѣмъ не присяжному повѣренному. Это въ сущности старое, гадкое, отвратительное правило: не смѣй изъ избы сору выносить. Есть еще и другая того же достоинства поговорка: воронъ ворону глаза не выколетъ. Господа товарищи, чистота дѣло вкуса, не хочу я жить въ избѣ, которая не метется, не хочу по соображеніямъ чисто санитарнымъ. Но наша корпорація вовсе не изба, она не карточный клубъ, куда собираются для личнаго удовольствія. Это учрежденіе государственное. Могу я Птицына не любить и даже руки ему не подавать, а терпѣть его я всетаки долженъ. Моя адвокатская дѣятельность была и будетъ публичная; я хочу, чтобы она таковая была; что мы точно на площади стоимъ подъ стекляннымъ колпакомъ и нечего не боимся. Разъ мы себя начнемъ отгораживать какъ камраты, разъ мы составимъ замкнутую корпорацію, въ которую когда попалъ, то ее и хвали — мы пропали. Корпорація окостенѣетъ, сдѣлается неотзывчива на новизну. Явятся и дѣловые, энергичные люди, получше Птицына, имъ не будетъ ходу, ихъ заклюютъ. Я не могъ бы приложить руку къ кладкѣ такой стѣны, а послѣ двухъ трехъ дѣлъ, подобныхъ птицынскому, стѣна была бы готова.

Но я сказалъ далеко не все. Птицынъ, положимъ, пасквилантъ, онъ нашъ врагъ, онъ киселъ какъ лимонъ и ядовитъ какъ змѣя, но какъ юриста клеветникомъ я назвать его не могу. Онъ никого не назвалъ, даже выдумывая онъ намъ приписываетъ не дѣянія безчестныя, а только скверныя помышленія и чувства. Онъ только диффаматоръ. Кто изъ читавшихъ его можетъ по совѣсти сказать, что онъ все только вралъ... Возьмите и прочтите. Одинъ нашъ товарищъ поднесъ намъ его статью въ видѣ брошюры, въ которой онъ сравниваетъ иронически Птицына съ Байрономъ. Въ этомъ однако пасквилѣ, издающемъ нѣкоторый скверный запахъ, есть поразительная доля истины. Я не могу не признать ее, во первыхъ, въ сѣтованіяхъ Птицына о не отъ насъ зависящемъ положеніи нашихъ помощниковъ. Мы не помогаемъ нашимъ помощникамъ, уменьшая ихъ практику, вслѣдствіе превращенія ихъ изъ номинальныхъ помощниковъ въ фактическіе. Есть еще статья, въ которой Птицынъ безусловно правъ, а именно та, въ которой онъ говоритъ, что въ нашей адвокатурѣ есть занятія грязнящія, что надлежало бы воспретить присяжнымъ повѣреннымъ участіе въ исполненіи судебныхъ рѣшеній до тѣхъ поръ, пока будутъ въ сословіи спеціалисты, которымъ по необходимости приходится якшаться съ судебными приставами, съ сыскною полиціею, съ бракоразводными судилищами. Птицынъ приходитъ въ своемъ пасквилѣ къ тѣмъ выводамъ, какъ Васьковскій и какъ вашъ собственный Совѣтъ, который замышляетъ (я это сообщаю по секрету) запретить присяжнымъ повѣреннымъ вести бракоразводныя дѣла. А кто такой Васьковскій? спросятъ можетъ быть нѣкоторые изъ васъ. Тутъ я и поджидаю спрашивать имѣющихъ, чтобы уличить ихъ въ косности и застоѣ, въ маломъ пониманіи ихъ сословныхъ интересовъ и неотзывчивости на злобу дня. Г. Васьковскій крупный писатель: сочинилъ книгу, въ которой предлагаетъ ограничить нашу адвокатуру, подобно англійской и французской функціями: consulter et plaider, а все остальное передать младшей братіи, какъ бы она ни называлась, частные повѣренные или иначе. Знаете ли, что г. Васьковскій предлагаетъ еще и такія новшества, чтобы мы опредѣляли нашъ гонораръ не по выигрышу, а по труду и чтобы мы не имѣли права взыскивать его судомъ? Знаете ли, что этотъ же Васьковскій приглашенъ министромъ юстиціи въ редакціонную коммиссію, въ которой засѣдаютъ и ваши товарищи, въ томъ числѣ и вашъ покорнѣйшій

слуга и что онъ способенъ многихъ перетянуть на свою сторону. Съ нимъ вы ничего не подѣлаете; онъ не нашего округа. —

Еще приведу я одинъ примѣръ вашей косности, славянской лѣни и безпечности. Вы не безъ основанія недовольны, что въ Совѣтѣ засиживаются одни и тѣ же постепенно старѣющія лица, превращающіяся въ иконы. Въ просонкахъ вамъ приходитъ на умъ заставить Совѣтъ обновляться ежегодно на половину или на четверть его состава. Эта мысль приходитъ всегда какъ разъ наканунѣ новыхъ выборовъ, а не послѣ выборовъ, когда можно бы исподволь подготовить избирательную реформу.

Я поднимаю бокалъ за настоящіе а не за воображаемые интересы сословія; за энергію, проявляющуюся не вспышками, а постоянно, за болѣе сильный починъ всѣхъ членовъ въ дѣлахъ сословія, отъ котораго зависитъ его будущее, наконецъ за это будущее, въ которое я вѣрю, несмотря на краканіе вороновъ, если только корпорація останется вѣрна преданіямъ, заложеннымъ въ ея основаніе.

20. Обѣдъ 28 апрѣля 1896 года.

Господа товарищи! Мѣсяцъ тому назадъ я не говорилъ, а скрыпѣлъ съ трудомъ и шопотомъ. Нынѣ я полугласный человѣкъ и долженъ голосъ приберечь на 19 мая, когда мы будемъ чествовать нашего дорогого старосту Вильгельма Осиповича Люстиха. Есть съ вашей стороны принука; слушаюсь и повинуюсь, боюсь только, что не принесу вамъ утѣшенія и прибавлю только желчи къ испиваевоему вами сладкому напитку. Я это приписываю моимъ лѣтамъ, что когда хочу выразить *ликованіе,* то выходитъ нѣчто похожее на *нареканіе,* а когда хочу сказать: *покой,* то съ языка срывается: *застой!* Если не ошибаюсь, мы находимся въ сѣромъ, буднишнемъ застоѣ безъ всякихъ просвѣтовъ и горизонтовъ. Ничто намъ не грозитъ, ничто не волнуетъ, но насъ томитъ тоска и скука.

Мы похожи на тѣхъ рабочихъ, которыхъ за многіе годы не удовлетворяли сполна, давали $^2/_3$ условленнаго, а въ $^1/_3$ не разсчитывали, говоря: пріѣдетъ баринъ, тогда и получите. 30 лѣтъ прошло въ такихъ ожиданіяхъ и какъ бы наканунѣ разсчета. Намъ все говорятъ: потерпите маленько, будете имѣть скоро, скоро и табель и монополію. Боюсь я пуще всего этой монополіи, лучше бы ея никогда не было. Вспоминаются тѣ давно прошлые годы, когда смыкая ряды нашей менѣе многочисленной, но отборной дружины, мы разсуждали такимъ образомъ: обойдемся безъ всякой монополіи; одолѣемъ какую угодно конкуренцію, держа только крѣпко наше сословное знамя. Къ монополистамъ ставятся всегда высокія требованія. Разъ провозглашена монополія, а она установлена и введена не для насъ, а для частныхъ повѣренныхъ, то въ наше сословіе войдетъ по необходимости и субъадвокатура, которая численно насъ подавитъ и поставитъ болѣе низменныя тре-

бованія для адвоката, менѣе взыскательную этику. Отъ насъ монополистовъ будутъ требовать больше, а мы компактная и трудно обозрѣваемая толпа будемъ меньше соотвѣтствовать идеалу, нежели старинная прежняя дружина борцовъ за право. Изъ борцовъ мы можемъ превратиться въ услужливыхъ дѣльцовъ, если не убережемся.

Оглядываясь назадъ и сравнивая настоящее съ прошлымъ, мнѣ приходится жалѣть о той безвозвратно ушедшей эпохѣ начала судебной реформы, когда самымъ видомъ гласно творящейся юстиціи всѣ упивались, когда въ газетахъ въ стенографическихъ отчетахъ печатались даже слова судебнаго пристава: прошу встать — судъ идетъ! Отъ одного конца Россіи до другаго публика переживала съ нами всякое судебное дѣло, славная адвокатская рѣчь доставляла сразу всероссійскую извѣстность и надъ головами отличавшихся летали видимо огненные языки. Это была поэзія того давно прошлаго.

Жаль мнѣ и той другой эпохи, когда излишекъ увлеченія породилъ реакцію, когда на насъ безъ толку плевали, какъ на софистовъ XIX вѣка, когда приходилось иронизировать и поднимать сотни бросаемыхъ намъ перчатокъ. То была борьба, то была поэзія, но не этическая, а драматическая.

Теперь нѣтъ поэзіи, плаваемъ мы въ болотистой, необозримой прозѣ. Адвокатура, какъ я ее понимаю, задыхается и не можетъ успѣвать, когда не служитъ переходомъ и подготовкою для всѣхъ областей общественной жизни, а не для одной только магистратуры. Помню какъ при мнѣ сказалъ бельгійскій король Леопольдъ II: всѣ мои министры были адвокаты. Жизнь такъ у насъ сложилась, что нѣтъ вовсе широкихъ поприщъ жизни общественной; всѣхъ насъ давитъ одинаково толстый слой всемогущей бюрократіи, иными словами: у насъ царятъ рутина и застой.

Господа, я усматриваю, что съ чего началъ, тѣмъ и кончаю, что верчусь въ одномъ кругу, началъ ворчаніемъ и кончаю ворчаніемъ и про весь свѣтъ и про наше сословіе и про Совѣтъ. Не застою ли мы обязаны тѣмъ, что выбираемъ въ совѣтъ лѣтъ 30 однихъ и тѣхъ же людей. Конечно пріѣдаются они, вотъ почему Павелъ Антиповичъ Потѣхинъ изобрѣлъ сложную машину, пригодную для партійной борьбы, а именно баллотировку шарами, расчитанную на то, чтобы десяти избранникамъ своей партіи класть бѣлые, а всѣмъ остальнымъ балло-

тирующимся черные шары. Слѣдовало не только изобрѣсть способъ баллотированія но и научить какъ дѣйствовать по новому методу. Но Потѣхинъ только затѣмъ сдѣлалъ свое нововведеніе, чтобы самому бѣжать изъ Совѣта, установивъ возможность каждому отказываться отъ баллотировки въ Совѣтъ, причемъ онъ оставилъ машину въ рукахъ людей не вполнѣ ее уразумѣвшихъ, вслѣдствіе чего при выборахъ все осталось по старому. — Другой признакъ упадка нравовъ: слыхано ли, чтобы до сихъ поръ кто нибудь уклонялся, когда его хотѣли почтить избраніемъ? Мы приготовились чествовать заслуженнаго, талантливаго члена А. Я. Пассовера, которому мы обязаны конференціями помощниковъ, а онъ нашими добрыми желаніями презрѣлъ и отъ нихъ уклонился; позвольте же хотя теперь провозгласить тостъ за его здоровье. Еще третій признакъ упадка: слыханное ли дѣло, чтобы Совѣтъ заведялъ 4 мѣсячные каникулы, не могъ состояться за неприбытіемъ хотя бы и 6 только членовъ изъ 12. Извините, я только теперь спохватился, что дѣлаю доносъ и на себя, я вѣдь былъ тоже членъ Совѣта. — Я все таки не считаю дѣла нашего пропащимъ, пока есть въ насъ недогорающая искра любви къ адвокатурѣ, какъ къ искуству, а не какъ къ прокармливающему насъ ремеслу. Да здравствуетъ наше свободное художество!

21. Обѣдъ 3 мая 1898 года.

Господа товарищи, случалось ли вамъ покидать Россію съ легкимъ сердцемъ, стремясь на волѣ въ болѣе культурныя, безпаспортныя страны, брать пропускъ изъ рукъ одного изъ нашихъ голубыхъ ангеловъ хранителей и разставаться съ ними хотя бы и на короткое время. Въ мои молодые годы, въ эпоху Николая I, въ которую я не желалъ бы возвращаться, они были страшнѣе и рубежъ былъ не символическій, какъ теперь, когда катишься по желѣзной дорогѣ, а матеріальный въ видѣ деревяннаго шлагбаума съ государственными цвѣтами, которымъ посвятилъ брошюру бывшій рижскій полицмейстеръ, а потомъ директоръ училища правовѣденія Языковъ. А затѣмъ, случалось ли вамъ по неволѣ или даже по доброй волѣ возвращаться въ силу того, что и «дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ», что отъ родины никого не отсѣчешь, что неудержимо насъ будетъ влечь тоска къ родному очагу и даже къ родной мусорной кучѣ. Тяжелое чувство испыталъ я, когда вы меня выбрали и посадили въ Совѣтъ. — У меня не хватало того мужества, съ какимъ своекорыстно уклоняется отъ совѣта устроившій баллотировочную систему выборовъ по новому методу П. А. Потѣхинъ, предложившій систему заявокъ кандидатовъ съ правомъ каждаго заявленнаго снимать свою кандидатуру по произволу. Не могу сказать, чтобы новый способъ выборовъ не имѣлъ своихъ преимуществъ. Я былъ всегда за обязательный выходъ изъ совѣта четверти его состава. Я помню, какъ выходили такимъ образомъ и отдыхами Люстихъ, Герардъ, Стасовъ, Соколовъ, но снимать свою кандидатуру — это дворянская затѣя и замашка, противная демократическимъ нравамъ и обычаямъ состояній тяглыхъ, въ которыхъ общественная должность есть тягло, а отъ тягла негоже

уклоняться. Конечно бываютъ и такіе, которые и по избраніи ихъ уклоняются, какъ это сдѣлалъ нашъ товарищъ А. Я. Пассоверъ, котораго я за это не хвалю. Но извѣстно, что на сотню человѣкъ откажутся немногіе, можетъ быть найдется одинъ какой нибудь, а 99 этого не сдѣлаютъ. Ихъ податливость тяглу, равно какъ и всеобщая податливость народа, несомнѣнно весьма полезны. Я думаю, что въ скоромъ времени мы возбудимъ этотъ вопросъ о пересмотрѣ новшествъ по отношенію къ выборамъ. Но я уклонился въ сторону; я намѣренъ подѣлиться еще съ вами нѣкоторыми новыми мыслями и чувствами.

Я опять прикованъ къ этому плохо построенному арсеналу временъ Екатерины II, который по превращеніи его въ храмъ Ѳемиды, не можетъ считаться достойнымъ ея мѣстопребываніемъ и который вслѣдствіе застроекъ и перегородокъ внутри его сталъ неудобенъ для нашихъ общихъ собраній. Я опять пришелъ въ соприкосновеніе съ малымъ форумомъ или «Смирновкою» и съ салономъ или совѣтскою комнатою. Въ совѣтской комнатѣ тѣсновато и негдѣ было бы помѣстить всѣ членскія кресла, если бы комплектъ доведенъ былъ до предѣльнаго числа 15. Опять придется засиживаться до поздняго вечера по пустымъ, большею частью, дисциплинарнымъ дѣламъ, опять сѣтовать на неравномѣрность распредѣленія труда между товарищами, на то, что нѣкоторые почти постоянно въ бѣгахъ, не говоря уже о каникулярномъ времени, что Н. П. Карабчевскаго я не могу себѣ представить иначе, какъ въ видѣ вагнеровскаго „Fliegender Holländer“; что бываютъ члены Совѣта, которые являются въ Совѣтъ не въ 12 часовъ, а въ 2 или 3, такъ что мы иногда по часамъ сидимъ нечего не дѣлая, за неимѣніемъ 6 членнаго комплекта, при чемъ большую тяготу терпятъ стороны и вызываемые свидѣтели, которыхъ приходится держать до 5 или 6 часовъ.

При такихъ неудобствахъ и недостаткахъ спрашивается, что заставило насъ, 12 человѣкъ, не послѣдовать примѣру А. Я. Пассовера и не уйти не оповѣстясь никому и ни съ кѣмъ не считаясь, пользуясь нововведеніемъ сниманія своей кандидатуры до выборовъ по произволу. Есть такія связывающія насъ съ Совѣтомъ и корпораціею уже не нити, а вериги и канаты. Къ числу ихъ я отношу: 1) то, что въ Совѣтѣ мы находимся въ прямомъ и непосредственномъ общеніи со всею общественною жизнью настоящею, наблюдаемою не по книгамъ

или газетамъ; 2) что Совѣтъ, какъ учрежденіе, есть наше же дѣтище; мы знаемъ, какъ оно росло и развивалось; мы въ него вложили не малую долю того, что мы переживали и перечувствовали; 3) наконецъ, я заявляю безъ малѣйшаго преувеличенія и полагаю, что это подтвердятъ всѣ мои товарищи, что хотя Совѣтъ состоитъ изъ членовъ попавшихъ въ него разновременно и по выборамъ, но за все время моего въ немъ пребыванія, онъ былъ храмомъ дружбы самой чистой и безкорыстной. Совѣтъ есть собраніе людей, которыхъ всѣхъ и каждаго изъ нихъ порознь взятаго я не могъ бы не уважать, сношеніями съ которыми я не могъ не дорожить, связь съ которыми меня самого возвышала, ободряла и поддерживала на моемъ жизненномъ пути. У насъ бывали разныя убѣжденія, но никогда не бывало ни распрей, ни интригъ, ни даже разныхъ партій. За эту дружбу, основанную на уваженіи, за ея продолженіе я съ полною искренностью подниму бокалъ. Она залогъ нашей будущности, далеко не обезпеченной, потому что, какъ вы сами знаете, мы въ теченіи 32 лѣтъ висѣли и висимъ на волоскѣ. Существуютъ только 3 совѣта на 11 судебныхъ округомъ. Гдѣ нѣтъ Совѣта, тамъ нѣтъ и настоящей адвокатуры, а только обманчивое ея подобіе. Не смотря на всѣ наши просьбы, повсемѣстное введеніе Совѣтовъ откладывается до окончанія пересмотра судебныхъ уставовъ; то есть буквально до XX столѣтія и можетъ даже не до начала этого столѣтія. Мы висимъ на волоскѣ, потому что изъ трехъ существующихъ Совѣтовъ только одинъ — нашъ поставилъ себя прочно и сдѣлалъ что нибудь. Нельзя сказать, чтобы онъ сдѣлалъ все что могъ, но другіе Совѣты не сдѣлали ничего путнаго.

Мы висимъ на волоскѣ еще и потому, что мы не устроили какъ слѣдуетъ своего стажа. Мы постоянно себѣ противорѣчили по части организаціи нашей младшей братіи. Насъ уличаютъ въ томъ, что мы затѣвали хорошее съ 1866 г. по 1883 годъ, а потомъ вдругъ и безъ резона отступили отъ стажа къ патронату; что мы устанавливали по части патроната то, что есть не болѣе какъ условность, какъ фикція, фальшь и лицемѣріе. Коренныхъ преобразованій въ адвокатурѣ мы конечно были не въ силахъ произвести и даже едва ли должны были пробовать. Пускай прежде всего будутъ введены Совѣты повсемѣстно, такіе какъ въ уставахъ, съ небольшими намѣченными въ проектѣ новаго положенія видоизмѣненіями. Но организація помощниковъ почти въ

нашихъ рукахъ. До введенія новаго положенія слѣдуетъ дѣло обсуждать, а мы отмалчиваемся оттягивая и лѣнясь. Я подымаю тостъ за дѣятельную разработку junctis viribus, по почину Совѣта вопроса о болѣе удовлетворительномъ устройствѣ корпораціи помощниковъ, потому что то, которое есть, принципіально никуда не годится.

22. Обѣдъ 9 мая 1899 года.

Ежегодные наши товарищескіе обѣды послѣ выборовъ, съ каждымъ годомъ становятся сумрачнѣе и тоскливѣе. Настоящее наше собраніе въ особенности печально. Оно больше походитъ на поминки, на угощеніе послѣ похоронъ. Численно наша громада какъ бы и ростетъ, дойдемъ скоро до 500 человѣкъ, не считая помощниковъ, но и смерть прохаживается между нами и коситъ; ея коса срубаетъ и самые толстые пни. Не стало Макалинскаго, умеръ великій труженикъ, юристъ литераторъ, историкъ нашего петербургскаго сословія и русской адвокатуры вообще. Не успѣлъ онъ окончательно отдѣлать второго, значительно увеличеннаго изданія своего цѣннаго труда. Онъ былъ уже пожилой человѣкъ, но вотъ скончался другой, сравнительно молодой: Владиміръ Ивановичъ Жуковскій, весь душа, весь пламень, одинъ изъ рѣдчайшихъ по своей даровитости ораторовъ. Рѣчь его была сплошное остроуміе, онъ острилъ никого не щадя, даже своего кліента, даже себя. Выше всего и дороже всего ему была правда и правда usque ad finem. Изъ членовъ Совѣта, которыхъ въ нынѣшнемъ году было 17, умерло въ служебномъ году двое и того 18 %. Но это личные счеты, а естъ и общественные не менѣе печальные. Старики убываютъ, ихъ мѣста должны бы заполнятся молодежью. Но заполняются ли они? вотъ вопросъ. По совѣсти скажу, что это комплектованіе убылей одинаково доброкачественными тружениками гораздо труднѣе. Условія адвокатской дѣятельности иныя теперь, чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Гораздо меньше возможность выдвинуться, отличиться, снискать уваженіе и громкую извѣстность. Политическихъ процессовъ нѣтъ, даже тѣ, которые можно бы назвать псевдополитическими (сопро-

тивленіе властямъ и тому подобные) изъяты отъ суда присяжныхъ. Процессовъ прессы совсѣмъ нѣтъ, книги сжигаются или идутъ на макулатуру на писчебумажныя фабрики помимо суда. Мало мальски интересующія публику дѣла производятся при закрытыхъ дверяхъ по ордеру министра, или по просьбѣ всякаго знатнаго заинтересованнаго лица, или просто по опредѣленію суда, то есть по его произволу, ничѣмъ немотивированному. Недавно бывали примѣры недопущенія на судъ при закрытыхъ дверяхъ тѣхъ трехъ лицъ по указанію подсудимаго изъ его родныхъ и близкихъ, которыхъ законъ предписываетъ допускать, когда дѣло разбирается при закрытыхъ дверяхъ. Юстиція со всѣми своими принадлежностями и привѣсками, а въ томъ числѣ и съ адвокатурою, понизилась на какую нибудь сотню саженей.

Въ ту же топкую трясину опускаются и погружаются всѣ вообще наши общественные институты. Нѣкоторые совсѣмъ исчезли, а отъ другихъ остались одни верхушки. Немногое осталось отъ городового положенія. Отъ земства были отбираемы тѣ или другія статьи. Теперь отнимаются отъ него и школы. Начиная съ середины пятидесятыхъ годовъ, то есть съ приступа къ реформамъ, были двѣ среды, въ которыхъ можно было отдохнуть и душу отвести: печать и высшіе разсадки просвѣщенія — университеты. Въ прессѣ были изданія подцензурныя, за которыя отвѣчали цензора, а съ 1865 г. и безцензурныя съ отвѣтственностью издателей; пресса вслѣдствіе системы никогда не снимаемыхъ предостереженій доведена до того, что всѣ почти періодическія изданія имѣютъ по два предостереженія и висятъ на волоскѣ. Съ подцензурными изданіями не стѣсняются, ихъ тоже пріостанавливаютъ и запрещаютъ, хотя онѣ подцензурныя, за всякія мелочи, напримѣръ по поводу несправедливостей, чинимыхъ по финляндскому дѣлу и вопросу.

Что же дѣлается съ университетами? — Существовалъ уставъ 1863 года, предоставлявшій автономію совокупности профессоровъ въ университетскомъ совѣтѣ, но не рѣшившійся признать корпоративную организацію студентовъ, существовавшую еще при Николаѣ I и не могущую не существовать. Автономія университскаго совѣта отмѣнена университетскимъ уставомъ 1884 г. Д. Толстого. На корпорацію студентовъ стали смотрѣть сквозь пальцы, а теперь рѣшились ее уничтожить. Молодежь взволновалась; создано положеніе безъ выхода.

Въ публицистахъ нашлись и такіе голоса: молодые отъ жиру бѣсятся, не хотятъ учиться — пускай не учатся!

Еще одно послѣднее замѣчаніе. Не знаю опредѣленія, даннаго Россіи, болѣе точнаго и правдиваго, какъ то, которое записано еще въ лѣтописи Нестора: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ». Нынѣ это выраженіе сдѣлалось анахронизмомъ. Земля наша велика, но не обильна, а не обильна она потому, что безхозяйственностью раззорена и что голодовка или, какъ выражаются оффиціальные органы — недородъ сдѣлался въ ней явленіемъ повседневнымъ, что основы крестьянскаго быта, крестьянской реформы разшатаны. Спрашивается, какіе же имѣются результаты культурной эволюціи за прошедшіе 43 года отъ севастопольской войны? — Результаты эти куплены дорогою цѣною, но они есть: нѣсколько бо́льшая свобода мыслить, бо́льшая свобода говорить и нѣкоторая свобода дѣйствовать въ строго легальныхъ предѣлахъ, вслѣдствіе чего можно сказать, что до извѣстной степени будущее зависитъ отъ насъ совокупно взятыхъ.

На этомъ основаніи, считая, что всякое нытье и хныканье безполезно и ни на что не годно и что вякое словоизверженіе, даже такое интимное и конфиденціальное, какъ наше, должно клониться къ извѣстной цѣлесообразности, я заключаю мою рѣчь тостомъ или пожеланіемъ, чтобы мы стояли крѣпче, чѣмъ когда нибудь подъ тѣмъ стягомъ, подъ которымъ мы дѣйствовали какъ присяжные повѣренные округа с.-петербургской судебной палаты: какъ коренные въ губерніяхъ петербургской, псковской и новгородской, такъ и присоединенные, то есть остзейскіе, пока они не получатъ когда либо своей палаты и адвокатуры. Стягъ этотъ имѣетъ надпись: *гуманизмъ*, то есть человѣчность. Такъ какъ по моему убѣжденію весь нашъ гуманизмъ проникнутъ христіанствомъ и не отдѣлимъ отъ него, то я бы предложилъ назвать его христіанскимъ, если бы я не боялся возникновенія недоразумѣнія между нами и нашими коллегами іудейскаго вѣроисповѣданія, которые находятся среди насъ въ положеніи наиболѣе тягостномъ, хотя между ними много людей, которые и для насъ христіанъ могутъ служить предметами подражанія.

Я пью за постоянную, медленную, общими силами борьбу съ главнымъ врагомъ, не только нашего общаго дѣла, но и всей общины, именуемой Россіею, противъ національнаго эгоизма, противъ шови-

низма, который находя теперь все меньше и меньше пищи во внутренней Россіи, свирѣпствуетъ на сѣверозападѣ въ Финляндіи. Пью за мирное сожитіе всѣхъ національностей, за прекращеніе насильственнаго обрусѣнія, за попираемую теперь свободу говорить своимъ языкомъ и исповѣдовать свою религію по своему внутреннему убѣжденію!

23. Обѣдъ 29 апрѣля 1901 года.

Я такъ долго мозолилъ вамъ глаза, товарищи друзья, и такъ много заставлялъ васъ меня слушать, что полагалъ: теперь буду молчать и наслушаюсь, что другіе говорятъ. Меня не оставляютъ однако въ покоѣ, я поставленъ въ необходимость откупиться словомъ. Я такъ отсталъ отъ вашей жизни, такъ рѣдко бываю на судѣ, такъ сторонился отъ того, что для людей профессіональныхъ составляетъ злобу дня и ихъ практической жизни, что вы не взыщете, если я стану говорить о самомъ себѣ и о томъ, чего я опасаюсь, а именно, что покажусь вамъ отсталымъ человѣкомъ. Вы всѣ гордитесь, что вы люди XX вѣка, а я какъ будто бы за этотъ порогъ еще не переступилъ. — Я еще человѣкъ XIX вѣка и не его конца, а его середины; во многихъ отношеніяхъ я человѣкъ пятидесятыхъ годовъ; многаго не постигаю и прежде всего совсѣмъ спутался въ томъ, что такое поэзія, искусство, красота. —

Когда меня приводятъ къ полотну и показываютъ на немъ какія то пятна и какія то каракули, точно начерченные ребенкомъ и толкуютъ, что это и есть красота или по крайней мѣрѣ что это символы; когда мнѣ предлагаютъ не осмысленныя рѣчи или разсказы, а моментально мѣняющіяся настроенія безъ связи и послѣдовательности и увѣряютъ, что это откровенія нагой души; когда въ словесномъ произведеніи я ищу идеи, смысла, а оказывается, что они не нужны, что имъ совсѣмъ не слѣдуетъ тутъ быть, то я не могу никакъ съ этимъ примириться. Можетъ быть художники перевелись, искуство на нѣкоторое время умерло, но пропасть оно не можетъ. Я увѣренъ однако,

что нынѣшніе господа декаденты и символисты не суть предтечи и предвозвѣстники, имѣющей возродиться въ новомъ видѣ красоты.

Я почувствовалъ, что я человѣкъ XIX вѣка, когда въ послѣдней четверти этого вѣка насъ запрягло министерство юстиціи въ работу пересмотра совершенствуемыхъ, якобы, судебныхъ уставовъ. Или я выжилъ изъ ума или то правда, что я вычиталъ у одного изъ нашихъ фельетонистовъ, что къ проекту преобразованія судебныхъ уставовъ подходятъ слова старовѣровъ въ адресѣ ихъ, поданномъ Императору Александру II: «въ твоихъ новшествахъ наша старина слышится». Въ проектѣ въ самомъ дѣлѣ слышится старина, но иная, нежели та, на которую указывали старовѣры, старина временъ Императора Николая I, при которомъ я родился и котораго помню. Оказывается нынѣ, что судебное слѣдствіе обходиться можетъ безъ судебныхъ слѣдователей и возвращается въ полицейскій участокъ; наступило трогательное совмѣщеніе въ однихъ лицахъ суда и администраціи въ земскихъ начальникахъ. Двери суда закрываются для публики по чистому произволу суда и властей, наступаетъ конецъ судейской несмѣняемости, разбитъ тотъ единый куполъ, который вѣнчалъ все судебное зданіе подъ видомъ Кассаціоннаго Сената и часть кассаціонныхъ функцій будетъ переведена въ судебныя палаты. Меня беретъ неудержимая охота сказать вамъ, товарищи: возьмемся крѣпко рука въ руку и будемъ сообща, какъ кто можетъ, защищать старые судебные уставы 1864 г. отъ направляемыхъ на нихъ ломовыхъ ударовъ; авось послѣ отходящей въ теченіи болѣе 30 лѣтъ волны, наступитъ новый прибой и приливъ и подыметъ на своемъ хребтѣ корабль плотно засѣвшій на мели.

Я началъ мою служебную карьеру съ того, что учительствовалъ, а потомъ профессорствовалъ. Нѣтъ профессіи, которая бы мнѣ больше по душѣ, какъ профессорская на пользу студентамъ. Главная моя завѣтная идея и святыня заключалась въ общеніи двухъ корпорацій студенческой и профессорской въ укромномъ уголку университетскаго самоуправленія. Насъ когда то заставили работать по этой части; мы сочинили уставъ 1863 г., который былъ разбитъ и стертъ съ лица земли и замѣненъ новымъ, отъ котораго не было ни добра, ни покоя. Опять происходили волненія, нѣсколько учащихся поколѣній погибло, послѣдовалъ какъ будто бы нѣкоторый поворотъ къ старому,

къ идеямъ устава 1863 г. о двойной корпоративности и объ автономіи университетовъ. Радъ бы я тому вѣрить и восторгаться, но вѣры то прежней нѣтъ. Иныя времена, иные люди. Моральный авторитетъ профессоровъ не въ единицахъ, а въ массѣ пониженъ. Студенты одичали, уваженіе къ наукѣ потеряли, политиканствуютъ. Публика на ихъ сторонѣ, но мы знаемъ, сколько вѣситъ и что приноситъ эта безсильная симпатія, отъ которой дѣло становится все хуже и хуже. Нынѣ есть какъ будто бы поворотъ и въ правительственныхъ сферахъ къ нашимъ идеямъ, къ уставу 1863 г., но я сильно извѣрился, что едва ли то возможно въ той безтолочи, въ которой мы барахтаемся безъ всякой надежды какого нибудь изъ нея выхода. Я вполнѣ сознаю, что всякому обществу, находящемуся, въ подобномъ положеніи, можно сказать: вы имѣете тѣ порядки, которыхъ только и заслуживаете. Мнѣ вспоминается московскій съѣздъ юристовъ, единственный бывшій въ Россіи въ 1876 г. На этомъ съѣздѣ, одинъ изъ способныхъ, но вовсе не солидныхъ собратьевъ нашихъ адвокатовъ Лохвицкій, одинъ только одинешенекъ хлопоталъ о парламентаризмѣ, о конституціи, но безъ малѣйшаго со стороны съѣзда отголоска. Мы отнеслись къ нему отрицательно, находили слова его легковѣсными. Мы помышляли только о томъ, какъ бы заложить фундаменты мѣстнаго провинціальнаго и городского самоуправленія, какъ бы заняться строеніемъ этого перваго этажа. Спрашивается, какой послѣ цѣлой четверти вѣка вышелъ отъ помышленій нашихъ результатъ? Вышло, какъ я полагаю, не всероссійское, а общеевропейское и міровое банкротство; не народоправство, а одна тупѣйшая и глупѣйшая обструкція, горловая и кулачная расправа, что же касается до перваго этажа, то его у насъ устроили кое-какъ, а потомъ стали разбирать и по частямъ уничтожать, такъ что въ земствахъ и городахъ, такихъ какъ Петербургъ и Москва, а кстати и Кіевъ и Одесса, приходится жить среди мусора и безъ крыши надъ головою. Среди этой сумятицы и безтолочія остается нетронутою одна только всемогущая сила: бюрократія, канцелярщина. Опять слышится намъ наша недавная впрочемъ старина. Памятно изрѣченіе Николая I, что Россія управляется столоначальниками. Среди этой канцелярщины обнаруживаются робкія попытки опять таки возвращающейся иной еще старины, той дворянской, недавней, но памятной до нынѣ. Эти попытки не создадутъ крѣпкаго, жизнеспособнаго,

привилегированнаго дворянства, но мѣшаютъ предпринять чтобы то ни было устойчивое, мѣшаютъ созидать чтобы то ни было новое, безъ сословныхъ средостѣній и перегородокъ.

Я сообщу вамъ еще объ одномъ послѣднемъ моемъ разочарованіи: я извѣрился въ западную Европу. Она сводится теперь къ тремъ великимъ націямъ: Франція, Германія, Англія. Франція обрѣтается теперь въ полномъ декадентствѣ. Въ Германіи господствуетъ духъ Бисмарка съ языческимъ національнымъ эгоизмомъ, а просвѣщенные островитяне показали, кто они такіе въ Трансваалѣ. Европейскій общій походъ на Китай былъ не крестовый, а почти что грабительскій. Желательно было бы поскорѣе выбраться изъ него и поскорѣе уйти. Единственное соображеніе, которое меня ободряетъ и удерживаетъ отъ отчаянія заключается въ слѣдующемъ. Мы настолько уже объевропеились, что можемъ продолжать міровое дѣло безъ Европы и даже помимо Европы. Жестокій кризисъ націоналистическаго эгоизма, если у насъ еще не совсѣмъ прошелъ, то проходитъ; онъ теперь на ущербѣ. Никогда еще не пропадало у насъ вполнѣ сознаніе, что значитъ общечеловѣкъ и общечеловѣчность. Надѣюсь, что можетъ быть доживу еще до того момента, когда будетъ признано, что и евреи люди тоже (не различая сіонистовъ и не сіонистовъ; первымъ я не сочувствую, но и они пусть живутъ). Надѣюсь дожить до времени, когда будетъ признано, что всякая человѣческая разновидность имѣетъ право на существованіе, а въ томъ числѣ и финляндская. Думаю, что если бы даже нынѣ въ 1901 повторился тотъ тостъ, произнесенный въ университетскій день 8 февраля 1885 г. на обѣдѣ у Палкина моимъ другомъ, незабвеннымъ великимъ человѣкомъ Владиміромъ Сергѣевичемъ Соловьевымъ: «за автономію Польши и за равноправность евреевъ!», то этотъ тостъ не былъ бы ошиканъ (самъ Соловьевъ мнѣ признавался, что его цѣль, когда онъ произносилъ этотъ тостъ была только та, чтобы подзадорить могучихъ еще тогда его противниковъ). Я думаю, что, предпринимая походъ отъ узконаціональнаго къ общеевропейскому, слѣдуетъ стараться не о томъ, чтобы обнять заразъ всѣ народы, со включеніемъ и японцевъ и китайцевъ и всѣхъ европейцевъ и азіатовъ, но о томъ чтобы начать съ ближайшихъ и родныхъ собратьевъ и сдѣлаться сначала славянами, не съ тѣмъ, чтобы вѣка оставаться въ этихъ племенныхъ предѣлахъ, но съ тѣмъ намѣреніемъ и увѣренностью,

что когда русскіе устроятся въ славянской семьѣ, то къ нимъ сами начнутъ приставать и чужеродцы. Вотъ что у меня на сердцѣ и можно сказать на днѣ моей души. Поднимаю бокалъ и провозглашаю тостъ за непрерывающій походъ отъ своего національнаго къ общеславянскому, къ общеевропейскому, къ общечеловѣческому!

РѢЧИ ЮБИЛЕЙНЫЯ, ПРОЩАЛЬНЫЯ И ДРУГІЯ.

24. Обѣдъ прощальный въ честь К. К. Арсеньева, 20 октября 1874 года.

Высокоуважаемый Константинъ Константиновичъ! Восемь лѣтъ (около 3 тысячь дней) — нельзя сказать чтобы то былъ большой періодъ времени даже въ жизни единичныхъ людей, а въ жизни учрежденій это такой ничтожный кусокъ времени, который, созерцая его съ исторической точки зрѣнія, даже едва можно уловить и подмѣтить мелкія черты, которыми отличаются его начало отъ его конца. Однако въ этотъ промежутокъ времени что нибудь произошло, при томъ оно произведено ежедневнымъ трудомъ, едва замѣтными частными усиліями, постояннымъ напряженіемъ ума и воли стремящихся къ одной сознательно и неуклонно преслѣдуемой цѣли. Послѣ нѣсколькихъ недѣль появится въ печати книга въ 40 листовъ, которая оповѣститъ нашему обществу что въ теченіи этихъ 8 лѣтъ создано исключительно нашими трудами, нашею самодѣятельностью. Упрочено нѣчто крошечное, маленькая община изъ какихъ нибудь 120 людей, которая способна жить, развиваться и успѣвать, не смотря ни на какіе извнѣ идущіе на неё шквалы или невзгоды. Въ этомъ крошечномъ организмѣ поразительны собственно два обстоятельства. Зоологи доискиваются но пока недоискались, а вѣрятъ въ первичное самозарожденіе организма (spontanea generatio). У насъ именно имѣется примѣръ такого самозарожденія. Ничего подобнаго не бывало на Руси. Мы вышли не ex ovo, мы не вылупились изъ скорлупы, мы безъ роду и племени. Другое обстоятельство еще болѣе поразительное заключается въ томъ, что по чувству самосохраненія мы изобрѣли и возложили на себя вериги самой строгой, самой безпощадной дисциплины, вслѣдствіе которой мы не колеблясь жертвуемъ своимъ вкусомъ, своими мнѣніями, своею личною свободою

тому, что изречетъ громада — великій человѣкъ. Это подчиненіе особаго рода не физическому человѣку, не людямъ, а началу, себя лично себѣ же самому съ безличной громадской стороны разсматриваему, есть такая великая и дивная сила, которая способна совершать чудеса и которую ощущаешь только тогда, когда она изъ насъ исходитъ. Ее можно сравнить съ тѣми каменноугольными залежами, которыми обезпечено отопленіе на земномъ шарѣ на цѣлыя тысячилѣтія, хотябы всѣ лѣса были истреблены. Когда то солнечный лучь произвелъ эти обуглившіеся окаменѣлые лѣса. Эти запасы будутъ почти неистощимо питать огонь, хотя эта флора къ которой они принадлежали, никогда не возобновится. Каменноугольнымъ запасамъ, въ природѣ физической соотвѣтствуютъ въ области нравственной суровые, крѣпкіе первобытные нравы.

Предоставимъ ихъ смягченіе будущему, то есть тому еще весьма отдаленному времени, когда міръ сдѣлается менѣе продажнымъ, когда процвѣтать и господствовать будуть наука и искуство, когда значительно увеличится число людей созданнымъ, по выраженію одного польскаго поэта (Юлія Словацкаго) не по мѣркѣ портнаго, но по мѣркѣ Фидія. Теперь еще не то время, еще мы барахтаемся въ грязи, теперь мы рады когда готовимъ хорошее только для потомковъ, сами сокровищами уже существующими не пользуемся, а приберегаемъ ихъ для болѣе правильнаго будущаго. Слѣдя за выработкою хорошихъ нравовъ и отмѣчая ихъ въ вашихъ fasti, занеся ея факты въ вашу лѣтопись, вы Константинъ Константиновичъ, не смотря на вашу скромность, не могли не испытывать того высокопріятнаго ощущенія, которое выражается словами quorum pars fui и притомъ если не maxima pars то во всякомъ случаѣ magna pars. Да, вы виновникъ значительной части совершившагося и закрѣпленнаго. Вы были кормчій нашей шхуны, вы стояли у руля въ день и въ ночь, почти безъ отдыха. Вы направляли этотъ руль и во время непогоды такъ искусно, что шхуна скользила постоянно по верхушкамъ волнъ. Настоящее время не особенно ненастное Вы удаляетесь, нашъ бравый капитанъ: руль цѣлъ, компасъ цѣлъ, снасти въ порядкѣ. Вашъ морской журналъ содержитъ въ себѣ всѣ ваши наблюденія, мы узнаемъ изъ него гдѣ мы, подъ какою долготою и широтою. Правила нашего судна таковы, что вольно на него вступить, вольно и уйти, неволя наша только въ томъ

чтобы, пребывая на суднѣ, извѣстнымъ образомъ жить. Добраго пути, здоровъ оставайся, капитанъ, не поминай насъ лихомъ! Мы всячески постараемся чтобы и безъ васъ всё ладилось, мы васъ будемъ извѣщать отъ времени до времени, что у насъ все въ порядкѣ, а когда пройдетъ еще лѣтъ восемь, мы васъ попросимъ написать еще одинъ томъ за это время, новую книжку анналовъ. Вы не откажетесь быть нашимъ историкомъ, а мы постараемся чтобы матеріалъ былъ приличный для новой пѣсни въ нашей корпоративной эпопеѣ.

Слово »*кормчій*« не исчерпываетъ всего того, что у меня на сердцѣ при произношеніи вашего имени. Вы намъ дороги не по одной только совѣтской дѣятельности вашей, но еще и по тѣмъ наслажденіямъ, которыя намъ доставляло ваше ораторское слово. Мы художники, въ насъ звучитъ артистическая струнка, намъ дорогъ самъ процесъ ораторствованія независимо отъ его результатовъ. Насъ привлекаетъ этотъ рѣдкій даръ излагать отвлеченное удобопонятно, сложное просто, играть словами на сердцахъ точно пальцами на клавишахъ. Мы узнаемъ мастера по одному тону его аккорда. Вы одинъ изъ такихъ мастеровъ. Не бурнымъ горнымъ потокомъ неслась ваша рѣчь, не кипѣла она страстью, но она овладѣвала нами неудержимою силою убѣжденія. Она была похожа на большія русскія рѣки — Волгу или Днѣпръ во время ихъ весенняго разлива по плавнямъ; рѣка широкая, она какъ зеркало, золотится солнечными лучами, отражаетъ въ себѣ города, лѣса и горныя вершины. Эта масса водъ столь покойна, что издали и не замѣтишь ея теченія, но вамъ стоитъ окунуться въ нее и она васъ отнесетъ далеко, далеко, внизъ, какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ красуется удобная и безопасная пристань. Едвали я ошибусь когда скажу, что ваше слово потому было столь обаятельно, что ваша дѣятельность адвокатская была вамъ по душѣ. Она была важнѣе по уголовнымъ дѣламъ и всего могущественнѣе какъ защитительная, при отстаиваніи правъ единицы страдающей, тѣснимой и защищающейся. Для этой личности приходилось вырабатывать гарантіи и вы содѣйствовали ихъ выработкѣ.

Но это еще не все. Я поднимаю бокалъ за ваше здоровье, потому что вездѣ и всегда вы были честный правдивый и добрый человѣкъ, прочный какъ скала и цѣльный, стоящій внѣ сословныхъ и національныхъ исключительностей, создающій вмѣстѣ съ другими по-

добными ему людьми то царство будущаго, то гражданское цѣлое, которое представляется намъ еще въ весьма неясныхъ очертаніяхъ. Прощайте, дорогой Константинъ Константиновичъ, мы васъ горячо любили и любимъ. Еслибы случилось, что на томъ новомъ поприщѣ, на которое вы теперь вступаете, вы бы не нашли того, чего вы ищете и пожелали его оставить, то знайте что память о васъ будетъ у насъ живая; добро опять пожаловать! Если и насъ не будетъ, то будутъ помнящіе васъ многіе другіе. Они бы заклали на вашъ обратный пріемъ упитаннаго тельца и прокричали бы еще громче нежели мы при разставаніи: здравствуйте Константинъ Константиновичъ!

25. Прощальный обѣдъ въ честъ Владиміра Константиновича Случевскаго, 27 января 1882 года.

Незнаю кому пришла первая мысль настоящаго обѣда. Я ее приписывалъ Сергѣю Семеновичу Соколову, но онъ упорно отказывается, утверждая, что онъ только былъ однимъ изъ ея выразителей. Во всякомъ случаѣ удостовѣряю, что починъ невышелъ отъ дѣятелей уголов. отдѣленія Юридическаго Общества, которому вы Владиміръ Константиновичъ посвятили нѣсколько прекрасныхъ и памятныхъ докладовъ, составляющихъ нынѣ большую рукопись, которую желательно чтобы вы не держали подъ спудомъ, но поскорѣе опубликовали. Починъ не вышелъ также изъ Шекспировскаго кружка, которому извѣстно что вы тонкій любитель искуства, который помнитъ вашу бесѣду о Королѣ Лирѣ.

Предложеніе родилось неизвѣстно какъ; оно было spontanea generatio; мнѣ нравится этотъ терминъ. Идея была всеобщая, носилась въ воздухѣ и подхвачена на лету не индивидуальною, а общею волею товарищества, имѣвшаго возможность часто съ вами встрѣчаться и сообщаться. Когда случается подобное общедемонстративное проявленіе собирательной воли подъ именемъ и знакомъ лица неумершаго, а здравствующаго и много обѣщающаго, то оно всегда предполагаетъ два условія: 1) что предметъ его человѣкъ хорошій и притомъ не въ однихъ своихъ домашнихъ и интимныхъ отношеніяхъ, а въ той области, въ которой онъ соприкасается съ чествующими его. Такое соприкосновеніе имѣется: вы отличный дѣятель судебный. Во *вторыхъ* что подоспѣлъ подходящій моментъ, который надлежитъ подчеркнуть и

зарубить себѣ въ назиданіе и на память на будущія времена. Прибѣгнемъ къ нѣсколько забытой уже нѣмецкой философской терминологіи и скажемъ: мы совершаемъ нынѣ въ мышленіи сочетаніе понятія о субъектѣ съ сознаніемъ значенія современнаго момента.

Субъектъ вы славный, Владиміръ Константиновичь, то общій голосъ, хотя каждый навязываетъ на эту тему свои личныя воспоминанія. Да не будетъ мнѣ поставлено въ укоръ, что я вытащу и мои личныя воспоминанія и вспомню, какъ мы состязались когда вы были прокуроромъ. Первая наша стычка была по дѣлу о книгѣ Лекки: сердце ваше не лежало къ обвиненію, вы исполняли только свою обязанность и я увѣренъ что вы душевно были рады, когда по суду книга вышла изъ цензуры почти что необрѣзанная. Затѣмъ былъ у насъ трехдневный бой по дѣлу мамки Кобелюковой. Вамъ было выгодно и удобно проиграть[1]), однако вы настояли и обвиняемая была наказана. Вы говорили рѣчь безъ всякаго личнаго озлобленія, но съ такимъ жаромъ и съ такимъ убѣжденіемъ, которое можетъ сообщить одна лишь истина. Отстоять Кобелюкову не было возможности и я въ душѣ сочувствалъ приговору присяжныхъ. Какъ судья вы являли типъ безпристрастія, мягкости безъ уступокъ. Въ числѣ дѣятелей настоящихъ и бывшихъ за 15 лѣтъ существованія С.-Петербурскихъ судебныхъ установленій вы были одинъ изъ лучшихъ.

Каковы бы однако не были достоинства и заслуги ваши какъ человѣка, я полагаю что не собралось бы и не сплотилось бы столь значительное число чествующихъ васъ лицъ, еслибы не было еще и общественнаго стимула къ этому чествованію въ видѣ подходящаго момента. Когда собираются люди, чтобы кого нибудь обѣдомъ почтить, то ѣда и питье послѣднее дѣло; то вещественное бываетъ только внѣшній знакъ и символъ невещественнаго; полная чаша вина есть только выраженіе полноты чувствъ въ сердцѣ. Спрашивается каковы эти чувства? Они всегда либо радостныя, либо печальныя. Люди дѣлятся другъ съ другомъ либо радостью либо горемъ. Едвали ошибусь когда скажу, что это чувство скорѣе печальное, потому что радоваться нечему а только печалями приходится дѣлиться.

Когда созданы были судебныя установленія, то возникновеніе ихъ

---

[1]) Она была мамка при дитяти министра юстиціи графа Палена.

ознаменовалось такимъ приливомъ характеровъ, способностей и талантовъ, что изумило на первыхъ порахъ. Жизнь народная прошла кипучею струею по этому руслу, углубила его и образовала капиталъ преданій и хорошихъ нравовъ, которыми мы потомъ тощая пробавлялись и пробавляемся донынѣ; мы его еще неизрасходовали, но можемъ израсходовать до послѣдней копѣйки. Нынѣ отливъ, все лучшее вымерло или состарилось; рѣка народной жизни ушла въ пески пустыни и проторила себѣ новое русло.

Когда уходятъ изъ учрежденія люди съ характеромъ и талантомъ, то какъ будто бы исчезло перо на шляпѣ рыцаря, или завяли цвѣты на корсетѣ женщины, или унесено съ древка знамя, которое не только вѣяло, но и ободряло всю дружину. Пропалъ человѣкъ и какъ будто бы ничего: тѣже стѣны, тѣже занятыя мѣста за краснымъ столомъ, а между тѣмъ душа улетѣла. Вы были украшеніе; съ вашимъ уходомъ какъ будто бы частицы души нестало. Давно прекратился обычай общихъ сходокъ для всего судебнаго персонала: магистратуры, прокуратуры, адвокатовъ. Теперь на лицо только адвокаты, значитъ каждый для себя и про себя. Мы жили съ вами душа въ душу, слѣдовательно и рѣшились цѣлымъ сонмомъ васъ провожать.

Вотъ почему къ нашимъ проводамъ, къ нашему меду прибавляется много желчи и горькая слеза, которая брызжетъ изъ глазъ и каплетъ въ бокалъ. Горечь столь велика, что я не смѣю ее прикрывать тостомъ за будущее. Ближайшее будущее представляется мнѣ въ скверномъ видѣ. Насъ несетъ вихремъ невѣдомо куда. Совершается вокругъ насъ какая то общественная работа, которой планъ для меня загадоченъ. Въ хорошее будущее я не вѣрю. Боюсь не иду ли вспять и не дойду ли я, старѣясь, до второго ребячества. У меня на сердцѣ, мысли и языкѣ только и вертится тостъ за доброе прошедшее время для суда и за судей, какихъ теперь нѣтъ и какіе едва ли скоро будутъ!

26. Обѣдъ въ честъ Н. С. Таганцева, 23 октября 1882 года.

С.-Петербургскій университетъ конечно одинъ изъ лучшихъ въ Россіи и Николай Степановичъ Таганцевъ человѣкъ, какого если и со свѣчкой искать, другого не отыщешь; одинъ изъ лучшихъ профессоровъ какихъ я зналъ. Обыкновенно чествованіе одновременно такихъ двухъ предметовъ бываетъ, когда случается ихъ сложеніе или умноженіе, когда въ университетъ войдетъ могучій человѣкъ, который совершаетъ функцію сѣянія не какъ древній библейскій сѣятель, разсыпающій зерно рукою, но какъ работающій съ механической сѣялкой, которая и разсыпаетъ и загребаетъ зерна рядами глубоко, глубоко, что бы они не сдѣлались добычею птицъ. Теперь произошло нѣчто противное; чествованіе приходится по поводу ариѳметическаго вычитанія. Состоялся корпоративный обѣдъ по поводу того, что университетъ будетъ безъ Таганцева и Таганцевъ будетъ безъ университета; родъ тризны не по умершемъ, а по живомъ; образецъ того сумбура, который господствуетъ вездѣ, того какою дѣйствительность не должна бы быть, или какова она будетъ, если её выворотить на изнанку. Какъ же нынѣ поступить? Надо ли разойтись или на перекоръ ариѳметикѣ и самой логикѣ пропѣть громко, весело и звучно: gaudeamus igitur, хотя nos habebit humus и хотя venit mors velociter. Пускай уходять хандрецы и люди унылые. Я пью за ваше здоровье Николай Степановичъ, не смотря на то, что вы ушли изъ университета, я пью его въ томъ смыслѣ, чтобы это выбытіе произвело наиболѣе выгодное вліяніе на васъ какъ на литератора, юриста, криминалиста. Не даромъ я васъ сравнилъ съ усовершенствованною сѣялкою. Вы превосходнѣйшій дедуктивный снарядъ, исходившій исправно

всю почву, отмежеванную вамъ по каѳедрѣ матеріальнаго уголовнаго права; вы изслѣдовали на этомъ участкѣ всѣ его углы и закаморки. Каѳедра у васъ убыла, времени прибыло больше. Окинулись вы въ новыя условія и отношенія. Берите пошире, берите повыше, распространяйте внѣ узкихъ предѣловъ тотъ превосходный методъ изслѣдованія, который сдѣлалъ изъ васъ несравненнаго спеціалиста. Вносите этотъ методъ въ другія области права, совершите то, что дѣлали люди испытавшіе крушеніе корабля, или испытавшіе taedium vitae, внушившее имъ отвращеніе къ прежнему состоянію. Бросайте прежнюю колею и проходите на новые пути. У васъ превосходное хозяйство, но можно перемѣнить систему, вмѣсто интензивнаго завести экстензивное хозяйство. Вы работали какъ профессоръ, вы уже работаете какъ законодатель. Вы изумили насъ, когда явились между нами какъ адвокатъ дилетантъ. Милости просимъ, пожалуйте къ намъ почаще, посѣщайте почаще и общіе журналы, пожалуйте въ область общихъ вопросовъ общественныхъ и государственныхъ. Тогда и послѣ выхода связь ваша съ университетомъ не прекратится. Она не будетъ конечно непосредственная, но не будетъ ни меньше ни хуже той, которая васъ связываетъ и должна связывать на всегда до того момента, когда veniet mors velociter. Ваше имя будетъ написано на скрижаляхъ университета, ваши ученики будутъ хранить въ чести ваше имя, послѣ васъ останутся ваши традиціи — словомъ вы будете имѣть все то, чего только можетъ жаждать человѣкъ науки и общественный дѣятель.

27. Обѣдъ прощальный Августу Антоновичу Герке, 6 апрѣля 1890 года.

Дорогой, покидающій насъ собесѣдникъ, не могу свыкнуться, чтобы не называть васъ »товарищемъ«. Товарищъ вы по Совѣту, товарищъ по защитамъ, товарищъ по корпораціи. Я и въ будущемъ буду называть васъ: »товарищъ« какъ зовутъ себя другъ друга военные, когда кто изъ нихъ переходитъ въ другой полкъ, въ другую часть по оружію; вѣдь онъ свой, своему дѣлу служитъ и состоитъ подъ тѣмъ же знаменемъ. И такъ, нашъ дорогой бывшій и нынѣ сущій въ нѣкоторомъ родѣ товарищъ, позвольте мнѣ, устранивъ всякую горечь минуты разставанія съ вами, которое не будетъ въ сущности разлукою, сказать вамъ нѣсколько не печальныхъ и не прощальныхъ словъ, которыя, идя отъ сердца, запали бы прямо въ ваше сердце, и которые въ памяти вашей связались бы съ переживаемымъ вами моментомъ перехода отъ однаго періода вашей жизни къ другому.

Вы прежде всего душа человѣкъ, добрый, чувствительный и нѣжный, по темпераменту едвали подходящій къ адвокатурѣ, потому что вы слишкомъ близко принимали къ сердцу интересы вашихъ кліентовъ, вы нрявственно переживали всякое веденное вами дѣло. Я помню на одномъ изъ много недѣль тянившемся политическомъ процессѣ, вы были доведены почти до истерики, до слезъ, во время прекаій вашихъ съ прокурорскимъ надзоромъ; не въ стыдъ вамъ будь сказано это обстоятельство. Вы притомъ сынъ артиста и сами по наслѣдственности артистъ, играющій на многихъ инструментахъ. Мы знаемъ, что вы превосходно играете на двухъ такихъ инструментахъ, которые для людей

не посвященныхъ въ тайны юридическаго дѣла не особенно занимательны и скучноваты: на 1-ой части X тома свода законовъ и на уставѣ гражд. судопроизводства. Нѣтъ такого предмета, въ которомъ не было бы поэзіи, ни такого инструмента на которомъ нельзя было бы гармонію съиграть. Есть несомнѣнно поэзія и въ цифрѣ закона: стремиться къ идеалу дедуктивнаго метода, когда строишь выводы не на случайныхъ и произвольныхъ, а на послѣдовательно и строго проведенныхъ принципахъ; когда вся совокупность гражданскихъ отношеній представляется какъ одно, если еще не вполнѣ осмысленное, то могущее быть осмысленнымъ цѣлое и когда самъ принимаешь умомъ и сердцемъ участіе въ этомъ одухотвореніи того, что для профановъ и людей обрѣтающихся внѣ юридическаго мышленія кажется сплошнымъ произволомъ или безсмысленностью. На подобное одухотвореніе юридическаго вещества потребуются сотни лѣтъ и дѣятельность множества чередующихся поколѣній; бываешь счастливъ если самъ приложишь къ великому строенію свой кирпичь. Вы, Августъ Антоновичъ, приложили множество тякихъ кирпичей. Я никогда не забуду какія превосходныя заключенія давали вы по гражданскимъ дѣламъ въ отдѣленіяхъ С.-Петербурскаго окружнаго суда.

Вашихъ и Голубевскихъ заключеній не забыть. Это была, можетъ быть, самая плодотворная часть вашей дѣятельности.

Вы опять возвращаетесь къ этой дачѣ заключеній въ Сенатѣ. Вы получаете много досуга для другихъ работъ, для дѣятельности научной по юридической части, къ чему вы были всегда расположены. Внесите-же въ Сенатъ ваше умѣніе и вашу любовь къ классической музыкѣ, я думаю что Правительствующій Сенатъ въ ней нуждается. Времена мѣняются, многое портится и въ законодательствѣ и въ судебной практикѣ; больше исключеній нежели общихъ принциповъ, музыка больше и больше сбивается на одни диссонансы. Постарайтесь, Августъ Антоновичь, чтобы побольше было классической музыки Моцарта, Бетховена, пожалуй даже Вагнера, а то намъ оттуда несутся порою звуки цыганскихъ пѣсенъ, а порою звуки свойственныя музыкѣ даже и не янычарской, а дикарей Аннамитовъ или Ботокудовъ.

28. Обѣдъ въ честь В. Н. Герарда, 16 марта 1893 года.

У меня случайно сохранилось воспоминаніе перваго моего съ вами знакомства. Былъ пасмурный сентябрьскій день 1866 г. Шло въ Сенатѣ скучнѣйшее дѣло о дѣйс. ст. сов. Гаевскомъ и о кассирѣ духовнаго вѣдомства въ Сѵнодѣ. Защита мною Гаевскаго была плоха, (я это признаю, но ex nihilo nihil). Условія, въ которыя она была поставлена были тяжки. Меня останавливалъ ежеминутно предсѣдательствовавшій Карніолинъ Пинскій, гнувшій замѣтно вѣсы правосудія противъ Гаевскаго и въ пользу кассира, хотя они дружно и почти братски дѣйствуя, обокрали Сѵнодъ и потомъ подѣлились. Въ одинъ изъ антрактовъ засѣданія въ трактирчикѣ Прадера на углу Адмиралтейской площади и Вознесенскаго, я познакомился съ красивой наружности молодымъ человѣкомъ, имѣвшимъ великолѣпную, золотистую курчавую шевелюру. То былъ молодой оберъ-секретарь сената, блистательно кончившій училище правовѣденія, Владиміръ Николаевичъ Герардъ. Вскорѣ мнѣ пришлось объясняться и въ окружномъ судѣ съ этимъ молодымъ правовѣдомъ, какъ съ судьею. По происхожденію онъ принадлежалъ къ отборнѣйшему обществу. Бывшіе правовѣды составляли въ то время, такъ называемую, секту, еще болѣе сплоченную, чѣмъ нынѣ. Способныхъ дѣятелей по новому судебному вѣдомству было мало по сравненію съ требованіями обширнѣйшей, предстоящей къ выполненію задачи. Поприще судебной дѣятельности передъ этимъ молодымъ человѣкомъ открывалось самое широкое, дорога разстилалась скатертью вплоть до вершинъ магистратуры, до курульныхъ сенаторскихъ креселъ и даже до государственнаго совѣта. Этими перспективами вы пренебрегли, Владиміръ Николаевичъ, вы

вошли въ нашу вольную дружину, повидимому, по призванію, то есть по естественному, свободному отъ натиска извнѣ влеченію вашей натуры. Не будь ко мнѣ немилостива судьба, я бы и до нынѣ профессорствовалъ бы по призванію. По такому же призванію Герардъ сдѣлался адвокатомъ. Жизнь его потекла этимъ русломъ, наполняя его по края, но никогда не выходя за эти берега и не образуя новыхъ устьевъ. Призваніе адвокатское настолько широкое, что оно достаточно для наполненія жизни самаго дѣятельнаго и предпріимчиваго человѣка.

Адресы, которые здѣсь читались, рѣчи, обращенныя къ юбиляру въ исполнившееся 25 лѣтіе его дѣятельности, перечисляли всѣ присущія вамъ доблести и качества, но эти качества большею частью общія въ большей или меньшей степени всѣмъ порядочнымъ членамъ нашей корпораціи, занявшимъ въ ней видное положеніе. Мнѣ бы хотѣлось скопировать и фиксировать votre qualité maitresse, какъ выражается Taine, характерную особенность вашей душевной организаціи, такъ чтобы по этому опредѣленію каждый бы долженъ былъ сказать: это Герардъ!

Я полагаю, что попаду въ мою цѣль, сказавъ, что вы человѣкъ свѣтскій, изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ собратьевъ вашихъ самый изящный, наиболѣе ровный въ этомъ изяществѣ. Если я указываю на эти качества, то разумѣю ихъ въ самомъ лучшемъ ихъ смыслѣ и значеніи, значитъ не только внѣшность, не одни хорошія манеры, но само существо вашей натуры, ея благородство, то, что въ прежніе вѣка называлось рыцарственностью. Вы представляете изъ себя образецъ типа, который французы изображаютъ неподражаемымъ словомъ galant homme. Мы не носимъ шпагъ, не деремся на дуэляхъ, но рыцарственность приличествуетъ и намъ, какъ бойцамъ за правду на судѣ. Она проявляется въ качествѣ пріемовъ воздержанія отъ средствъ ѣдкихъ, рѣзкихъ, неблагородныхъ. Съ вами пріятно сражаться. Это благородство обнаруживается и въ щепетильности чувства чести (point d'honneur), во взыскательности къ самому себѣ. Васъ хвалятъ повсемѣстно, что вы ревнитель чести нашей сословной, готовы всегда за честь эту бороться. Право бороться за честь сословія принадлежитъ только тому, кто самъ въ себѣ безпорочно честенъ. Наконецъ благородство адвоката проявляется еще въ строгомъ выборѣ защитъ,

въ томъ, чтобы брать дѣла только честныя, сторониться отъ тѣхъ, которыя бы могли присвоить защитнику непріятную кличку: «прелюбодѣй мысли».

Я помню, что когда въ семидесятыхъ годахъ Евгеній Марковъ пустилъ въ ходъ эту кличку и я, за годовымъ товарищескимъ обѣдомъ превозгласилъ тостъ: «прелюбодѣй мысли пьетъ за здоровье софистовъ XIX вѣка», какъ вы на меня вознегодовали, упрекая меня въ бравированіи общественнаго мнѣнія. Вы полагали, что у многихъ изъ насъ это и есть больное мѣсто и что слѣдуетъ жить въ ладахъ съ прессою и съ нею считаться.

Я не выставилъ на первый планъ, характеризируя васъ, черты высокаго ума, умѣнія анализировать юридическіе факты и добираться до сути дѣла. И въ этомъ отношеніи мало есть людей вамъ равныхъ, но были равные, были и превосходящіе насъ обоихъ; не говорю о живыхъ, но изъ умершихъ, я бы могъ указать на Эммануила Банка. Я не выдвинулъ также теплоты сердечной. Я считалъ покойнаго Александра Ивановича Языкова безподобнымъ въ этого рода случаяхъ. Что касается до васъ лично, то я не могу забыть, съ какимъ увлекающимъ краснорѣчіемъ вы защищали Квитницкаго; ваша славная рѣчь еще звенитъ въ моихъ ушахъ. Наконецъ я не подчеркнулъ еще чувства негодованія въ виду царящаго зла, выраженнаго прямо въ лицо ему. Мы едва похоронили одного изъ могущественныхъ этого сорта ораторовъ (Александрова), остраго и холоднаго какъ бритва, но умѣвшаго безподобно владѣть сарказмомъ и убивать имъ противника. Помню, какъ бы то было сегодня, этотъ процессъ историческій (Вѣры Зазуличъ). Мы чувствовали, что исходъ этого дѣла, доставившій такую славу оратору, былъ величайшимъ общественнымъ несчастіемъ, повлекшимъ за собою печальныя послѣдствія, но тѣмъ не менѣе мы понимали, что въ немъ сказался во всей своей силѣ мастеръ своего дѣла. Мы съ вами, Владиміръ Николаевичъ, ему не завидовали, потому что мы исходу дѣла не сочувствовали, мы люди иного разбора, люди середины и законнаго порядка. Мы съ вами увѣрены, что только этимъ путемъ можемъ служить обществу и корпораціи и дожидаться, пока наступятъ лучшія времена.

29. Обѣдъ 18 января 1895 года въ честь защитниковъ по дѣлу о безпорядкахъ въ г. Крожахъ.

Я не былъ въ Крожахъ, я не былъ и въ Вильнѣ 20 сентября 1894 и въ послѣдующіе дни, когда разбиралось важнѣйшее для сего края дѣло, но я достовѣрно знаю, что ничто такъ не озадачило и администрацію и судъ, какъ появленіе на этомъ дѣлѣ свѣтилъ русской адвокатуры, трехъ петербуржцевъ (А. Н. Турчаниновъ, В. И. Жуковскій и С. А. Андреевскій), одного москвича (князь А. И. Урусовъ) и одного варшавца (И. Каминскій). Тѣ, которымъ этотъ пріѣздъ былъ непріятенъ, въ мигъ разгадали секретъ, объяснившій, на ихъ взглядъ, эту неожиданность. Пріѣздъ такихъ знаменитыхъ защитниковъ никакъ не могъ обойтись дешевле 20.000 рублей. Такой суммы не могли дать тѣ 70 голышей подсудимыхъ, которымъ вся цѣна два гроша съ половиной. Конечно свой гонораръ адвокаты могли получить только изъ кассы мистическаго лица, а именно отъ такъ называемой «польской справы» — то есть отъ таинственнаго призрака. Сами тѣ лица, которыя сочинили эту легенду, устыдились и замолкли, когда истина разоблачилась. Что на это дѣло пріѣхалъ полякъ, варшавскій присяжный повѣренный (Иванъ Непомукъ Каминскій) это понятно; онъ дѣйствовалъ по чувству польскаго патріотизма, существованія котораго никто не отрицаетъ. Но что пріѣхали и русскіе люди — адвокаты, это дѣлаетъ имъ бо́льшую честь и славу, чѣмъ та всѣмъ извѣстная талантливость, съ которою они защищали это не первое и не послѣднее дѣло, обезпечившее за ними самую почетную извѣстность. Ваше появленіе, господа, былъ настоящій подвигъ, за который мы въ этомъ крошечномъ кружкѣ собрав-

шіеся и чествующіе васъ скромно, тихо и безъ огласки, каковой вы сами по скромности вашей не пожелали, выражаемъ вамъ искреннѣйшую нашу благодарность.

Благоволите принять выраженіе этой благодарности, вы ветеранъ изъ ветерановъ, Александръ Николаевичъ (Турчаниновъ)! Вы занимали высокій постъ въ магистратурѣ до судебной реформы. Не будь вашего поступленія въ наше сословіе, вы бы давно уже были сенаторомъ. Вы, православный изъ православныхъ, взялись защищать римскихъ католиковъ отъ преслѣдованія со стороны, называющей себя фальшиво «православіемъ». Вы напомнили этой сторонѣ тихо, спокойно, неотразимо, что и надъ нею есть высшее судилище, именуемое исторіею.

Примите нашу благодарность дорогой, чувствительный, нервный, сердечный Сергѣй Аркадьевичъ (Андреевскій)! вы обладаете чудной способностью эмоціонировать и, такъ сказать, изъ камней исторгать слезы.

Спасибо и вамъ, нашъ дорогой и ни съ кѣмъ изъ тѣхъ, какихъ знаю того же пошиба, несравнимый Мефистофелъ (Владиміръ Ивановичъ Жуковскій)! Вы хлестали точно бичемъ, вы гнали точно сквозь строй, вполнѣ заслуживающихъ того негодяевъ, вы гнали ихъ по зеленой улицѣ, какъ и слѣдовало. Слово даваемое защитникамъ бываетъ иногда и орудіемъ казни, а казнь великое дѣло, когда она справедливая, когда она клеймомъ ложится на безстыжемъ лицѣ.

Спасибо и вамъ, нашъ варшавскій собратъ! Безъ васъ концертъ не могъ бы состояться. Необходимъ былъ представитель польско-русскаго аліанса, заключеннаго во имя правды, религіознаго чувства и правъ человѣческихъ.

Не могъ пріѣхать князь Александръ Ивановичъ (Урусовъ), но написалъ: «сердечно буду съ вами въ этотъ вечеръ и выпью за ваше здоровье!»

Не могу выпить за здоровье еще однаго лица, котораго также мысленно не могу отдѣлить отъ всѣхъ васъ, а именно Евгенія Исаковича (Утина). Онъ въ это виленское засѣданіе до смерти своей стремился. Вѣчная ему да будетъ память!

Предлагаю собесѣдникамъ провозгласить тостъ и за тотъ судъ, который постановилъ рѣшеніе и за тѣхъ весьма русскихъ людей, которые имъ руководили.

Еще одно и послѣднее слово. Лѣтъ 50 тому назадъ я пріѣхалъ въ 1848 г. горячимъ патріотомъ. Тутъ въ Петербургѣ я познакомился съ русскимъ обществомъ, полюбилъ его и увѣровалъ, что соединенными силами хорошихъ, образованныхъ людей обѣихъ націй можно сойтись имъ на почвѣ одного гражданскаго общества м двигать общее дѣло культуры и добра. Въ 1863 году постигло меня печальное разочарованіе. Нынѣ періодъ разочарованія проходитъ. Единеніе по пути добра возможно между двумя несливающимися, но дружно дѣйствующими націями. Да будетъ это единеніе частое и многократное! Я пью за взаимную помощь поляковъ и русскихъ безъ всякой задней мысли о поглощеніи однихъ другими!

30. Обѣдъ въ честь В. О. Люстиха, 19 іюня 1896 года.

На разные лады съ сегодняшняго утра и до вечера оглашаема была та правда, всѣмъ намъ общая, да и вамъ, высокопочтенный юбиляръ, небезъизвѣстная, несмотря на то, что вы по вашей скромности отнѣкивались, что вы прекраснѣшій, общелюбимый, ко всѣмъ внимательный, уступчивый, ровный и удивительно спокойный praeses magnificus, образцовый нашъ староста или batonnier. Вы знаете, что французскій батонье то же, что италіанскій gonfaloniere, знаменосецъ. Адвокатскій староста во Франціи носилъ на церковныхъ процессіяхъ хоругвь патрона адвокатскаго цеха — Святаго Ивона. Одинъ разъ только, когда вы были еще помоложе, ваше удивительное равновѣсіе поколебалось, когда въ ночь на новый 1883 годъ скончался величайшій, можетъ быть, европейскій адвокатъ Гамбетта и когда вся наша корпорація взволновалась отъ вопроса, поставленнаго милѣйшимъ, но горячимъ человѣкомъ Е. И Утинымъ: посылать ли вѣнокъ на гробъ умершаго. Вы сочли себя лично затронутымъ, вы оставили предсѣдательство, передавъ его мнѣ. Я занялъ предсѣдательскій постъ, зная, что я только временно его занимаю, но послѣ того попрошу васъ опять взять бразды правленія въ нашемъ сословіи. Мнѣ кажется, что я доставлю удовольствіе и многимъ товарищамъ и вамъ, когда, слѣдуя моей адвокатской привычкѣ избѣгать предметовъ безспорныхъ, остановлюсь на другой, не личной сторонѣ нашего чествованія, на сторонѣ адвокатской, корпоративной, менѣе осязательной и достовѣрной. Ее то надобно выдвинуть впередъ, чтобы она не оставалась въ тѣни.

Не могу я отрѣшиться отъ той мысли, что какъ бы даровито не было отдѣльное лицо, оно только карликъ, мурашка, ничтожество,

если его разсматривать внѣ его общественой обстановки. Всякій человѣкъ, когда о немъ судятъ, есть въ умахъ судящихъ о немъ произведеніе двухъ факторовъ: его особы и той организаціи, той группы, къ которой онъ примкнулъ, примазался и которая либо несетъ его на своихъ плечахъ, либо сама движется силою напряженія его мышцъ, силою сообщеннаго имъ толчка. Когда мы съ этой стороны цѣнимъ человѣка, имѣющаго извѣстность, то мы должны будемъ отнести его къ одному изъ двухъ главныхъ типовъ: 1) либо людей несомыхъ на себѣ живою волною общественнаго теченія, занявшихъ, по праву ли рожденія, или въ силу богатства, или по иному случаю, одну изъ выдающихся вершинъ общественнаго строенія. (Иногда вся заслуга такихъ людей заключается только въ томъ, что они неподвижны, ничего отъ себя не прибавляютъ, но и ничего не теряютъ — и за то иногда имъ стоитъ сказать спасибо); 2) либо изъ людей, которые двигаютъ массу своимъ единичнымъ или дружнымъ съ другими усиліемъ и заставляютъ двигаться громадину по извѣстному направленію, вырабатываютъ нравы, хорошія традиціи, помогаютъ накоплять тотъ общественный оборотный капиталъ, безъ котораго нѣтъ общественной производительности, а будетъ одна только сутолока. Скульптура занималась когда то изображеніемъ Атланта, несущаго на своихъ плечахъ шаръ земной. Мы пигмеи, но и мы можемъ общими силами перемѣщать громадныя массы. Въ началѣ XIX вѣка одинъ поэтъ (Мицкевичъ) звалъ молодежъ опоясать соединенными руками шаръ земной и двигать его на новые пути. Нѣчто напоминающее эти образцы имѣло мѣсто у насъ, конечно въ микроскопическихъ размѣрахъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ сказано было: «да бысть адвокатура!» и она бысть, но какъ и все у насъ, только въ видѣ опыта; вмѣсто множества артелей устроены только три и каждой дано нести по одному шарику, причемъ сказано: катите шарики, какъ знаете, мы учить васъ не будемъ, мы и сами не знаемъ; внѣшней власти вы никакой не имѣете, но внутри артели устанавливайте добрые нравы и порядки; вамъ жалуется самоуправленіе! Спасибо и за то, что самоуправленіе дано полное, безъ всякаго внѣшняго надсмотра губернатора, градоначальника или какой нибудь юстиціи коммисара, однимъ словомъ самоуправленіе непрактиковавшееся еще въ Россіи. Катятся до сихъ поръ три шара и въ томъ числѣ петербургскій. Не чванясь можемъ сказать, что нашъ шаръ значительно

впереди другихъ. Онъ по пути увеличивался и оросъ, потому что къ нему прилѣпились адвокаты остзейцы. И эта пестрота ничему не мѣшаетъ, мы и съ остзейцами въ ладу. Внутри насъ нѣтъ распрей, усобицъ, даже рѣзко обрисовывающихся партій. Конечно могло бы быть лучше, но и то, что есть хорошо. У насъ есть традиціи, есть сословная честь и притомъ мы люди вольные безъ чиновнаго шитья и мундира. Всѣ эти благополучія суть результаты нашихъ вносовъ въ общій фондъ за 30 лѣтъ. Вы, Вильгельмъ Осиповичъ, были за послѣдніе 25 лѣтъ самый крупный вкладчикъ, вы поработали больше другихъ, вы поставили наибольшее число самыхъ полновѣснѣйшихъ кирпичей на постройку. Многіе изъ насъ были развлекаемы другими работами, дѣятельностью по другимъ областямъ жизни. Вы были въ адвокатурѣ какъ у себя дома и никогда за порогъ ея не переступали. Да здравствуетъ на многія лѣта нашъ милѣйшій praeses magnificus!

Въ типографіи Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.